

Искорка ★ ★ 2

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Леонид Агеев

Солдат своей страны

На тихой неисхоженной полянке,
в лесной незаауканной глуши,
наткнулся я на старые землянки,
засыпанные хвоей блиндажи.

На диких травах воздух был настоем...
Непрошенная тень моя легла
на каску с продырявленной звездой,
на столбик, покосившийся слегка.

И сразу же предстало пред глазами
виденье затуманившихся дней:
деревья с опалёнными ветвями
вокруг поляны,
вспухшей от дождей...

Темнели опустевшие носилки,
бойцы стояли хмурою стеной,
и лил на непокрытые затылки
осенний,
неуёмный,
затяжной...

Над лесом рдел пожарищами запад,
и старшина прощанье завершил:
на столбике о славе нацарапал
и в изголовье каску положил...

Затеряна могила на полянке
в лесной незаауканной глуши.
Заваленные листьями землянки.
Засыпанные хвоей блиндажи.

Затеряна...
Пируют непогоды,
весной под каской буйствуют ручьи...
Но весь костёр посмертной позолоты,
торжественность раскрашенной парчи —

Рис. А. Курушина

отдам...
Лежать бы посреди России,
её полей,
лесов
и тишины...

Отдам!
Лежать бы на груди России,
и чтоб слова:
«Солдат своей страны».

*

С. Макаров

У Т Р О

*Утро не нагрелось от зари,
Утро упаковано в мороз.
Ах, как любят утром снегири
Инистые веточки берёз!*

*И, такие жаркие на вид,
Снегири мне радость принесли,
Словно к ним по веточкам бежит
Из корней тепло родной земли!*

ШЕА СОЛДАТ

Из Белоруссии в Карелию почтовый конверт принёс вырезку из пионерской газеты. Бросились в глаза большие буквы: «Где ты, отважный разведчик?»

Евгений Антонович, унимая волнение, долго рассматривал снимок.

Бравый парнишка в длинной шинели, с карабином на плече, со штыком в ножнах у пояса, стоит возле бронемашины и весело улыбается... Здравствуй, солдат! Сколько лет мы с тобой не виделись?

Далеко позади осталось то тревожное огненное время. И вот снова перед Евгением Антоновичем как наяву встала война, и он сам, маленький солдат, и тот день, оставивший свой след — вот эту фотографию...

— Товарищ майор! Красноармеец Савин по вашему приказанию прибыл!

Майор посмотрел на красноармейца Савина и не смог сдержать улыбки. Стоит по команде «смирно» бывалый боец, подтянут, аккуратен, — загляденье. Вот только ростом маловат: по грудь майору. Ему бы ещё задачки в классе решать, в лапту играть, за грибами ходить. А он воюет. В пятнадцать лет!

— Ну, садись, красноармеец Са-

вин, рассказывай. Как это тебя мамка на фронт отпустила?

Майор спросил это шутливо и тут же почувствовал: не нужно было шутить. Помрачнело лицо у парня, опустил голову:

— В оккупации моя мамка. И отец. И братья. Вся семья под немцем. В Белоруссии.

— Так ты — белорус? А защищаешь Ленинград. Значит, и ленинградец.

— В нашей части, наверное, из всех республик есть — и белорусы, и украинцы, и армяне, и латыши, и казахи... А все теперь — ленинградцы...

Долго они сидели рядом на подножке штабной машины — пожилой майор и пятнадцатилетний солдат. А под конец майор сфотографировал Женю. Майор был военным корреспондентом и получил задание рассказать во фронтовой газете о лучшем разведчике части. Лучшим разведчиком оказался красноармеец Савин...

Ещё три месяца назад была совсем другая жизнь. Женя жил в Ленинграде на Красноармейской улице, ходил в форме. Но мирной, тихой была Красноармейская улица, и невоинской была форма. Была она одеждой ученика шестого ремесленного училища, будущего рабочего.

Завод. Ровный шум станка. Блестящие гладкие грани металла. Веселая кудрявая стружка.

И вдруг — окопы. Глубокие противотанковые рвы под Гатчиной. Шестое ремесленное училище привезли сюда в жаркий июльский день, дали тяжёлые лопаты.

Жёлтые ломти глины летели в стороны. А с запада всё явственней нарастал гул — то прерывистый, то неумолчный. День ото дня гул приближался. Вот уже и край неба охватило зарево сражения.

Потемнели ребячьи лица. Не от зноя — от горя. Жене Савину, как и многим, на сердце легла двойная тяжесть. Страшно было за родные города и сёла, за матерей и сестрёнок, оставшихся там, за огненным валом фронта. И больно, нестерпимо больно было за Ленинград, ставший таким родным, словно прожил здесь все свои недолгие пятнадцать лет.

Над Ленинградом война распустила чёрные хвосты пожаров.

— Воздух!

Частые удары в рельс. Этот сигнал тревоги раздавался теперь всё чаще. Фашистские самолёты, начинённые смертью, перечёркивают небо, распарывают его противным воем. Тени их падают на Женю. Однажды он не выдержал:

— У, бандюги! Коршунё! — в ярости замахнулся лопатой вслед чёрной стае.

— Ого! Да ты храбрый воин! Лопатой с самолётами сражаешься...

Рядом, на бруствере траншеи, стоял командир тех бойцов, которые тоже рыли землю по соседству с ремесленниками. Но бойцы-то здесь и воевать будут с фашистами, а ремесленников увезут в тыл. Скоро увезут. И вот он — случай: сам командир с ним заговорил...

— Я бы и не лопатой — винтовкой сразился, — ответил командир, — да ведь нету.

— А ты с ней сладишь?

— Ещё как! Стрелять умею, собирать, разобрать могу, — заторопился Женя. — Хоть у ребят спросите...

Командир молчал, сосредоточенно отряхивая пыль с фуражки, и думал, наверное, совсем не об этом мальчишке. Хватало и других дум осенью сорок первого года...

— Товарищ командир! — набрался храбрости Женя. — Возьмите меня. Не глядите, что я маленький, я сильный. Вот целый день копаю — и хоть бы что. А маленькому в разведку даже лучше...

— Уж сразу и в разведку. Какой ты приткни!

Евгений Антонович так до сих пор и не знает, почему его взяли в армию. Может быть, командиру понравилось, что мальчишка самолёта не испугался. А может быть, в суматохе, когда ремесленников увозили с окопов, бойцы занимали оборону, а враг уж поливал всё вокруг свинцом, он, Женя, сам прибил к части. Всё могло случиться.

Война надвинулась на Женю Савина с непостижимой быстротой. И вот уже лежит он на опушке леса у дороги, в руках у него винтовка, а по полю прямо на него идёт цепь гитлеровцев. Фашисты идут по грудь в траве, на животах — автоматы...

— Огонь!

Ствол Жениной винтовки подпрыгнул вверх. Промазал, наверное. Но рядом стреляют метко, и серая цепь падает в траву. Ничего, он ещё научится попадать в цель и ловко бросать гранату. А пока надо уходить. По лесам, по болотам, по тропкам и бездорожью — к своим. Патроны на исходе. И люди на исходе.

Они сделали на этой искорёженной, дыбом вставшей земле всё, что могли. Осталось последнее: взорвать склады горючего, чтобы не достались они фашистам. Приказ получили пятеро. Пятым был Савин.

Четверо опытных, обстрелянных бойцов были храбрыми людьми. Но сейчас и у них пробежал по спинам холодок. Ведь за спинами-то уже не было своих. А в полумраке мглистого осеннего вечера из-за любого угла, из-за любого дерева

могли выскочить фашисты. Один Женя был доволен: наконец-то его послали на настоящее дело!

Крадучись подошли к большому каменному зданию склада. Совсем рядом трещали автоматные очереди. Остро пахло бензином. Под ногами темнели, расползаясь, едкие лужи: то ли баки пробиты осколками, то ли кто-то, уходя, открыл краны.

Со стороны шоссе послышался гул, он нарастал каждую секунду, становился всё грознее. На окраину Гатчины входила лавина немецких танков.

— Ах ты чёрт, не успеем! — с досадой махнул рукой старший.

Лицо его побледнело. — Ну да всё равно им не попользоваться, вытечет бензин. Пошли!

Четыре фигуры, пригнувшись, метнулись за дорогу, скрылись в листве. Оттуда тревожно окликнули:

— Савин, где ты? Не отставай!

— Я догоню!

Он не мог уйти, не выполнив приказа командира. Он должен был уничтожить склад.

Женя подбежал к куче пакли, торопливо скрутил длинный жгут, намочил его бензином, протянул к самому баку, откуда струйкой вытекало горючее. Чиркнул спичкой. Маленький огонёк весело побежал по жгуту.

Из-за поворота дороги показались грузовики. В них рядами сидели гитлеровцы. Тускло блеснули каски.

Женя плашмя упал в придорожную канаву.

И в ту же минуту оглушительно грохнуло, к небу в клубах чёрного дыма взвилось оранжевое пламя. Волна горячего ветра обрушилась на деревья, сильно качнула их.

Женя перебежал шоссе. Было светло, как в солнечный полдень. По веткам яростно защёлкали пули, — десятки автоматов палили наобум, как попало. Женя не утерпел, оглянулся. Передние машины горели, немцы суматошно метались вокруг, а неистовый огонь жёг им пятки, прогрызал мундиры. Несколько фашистов корчилось на почерневшей земле.

Утром пятеро нашли своих. Бойцы окапывались, готовились к обороне.

— Товарищ командир! Приказ выполнен, — доложил старший.

— Молодцы, — похвалил командир. — Пламя отсюда видно было. Как будто весь лес горит...

Старший потупился:

— Это вот он, Савин... Его за-слуга...

Потом долго, с боями выбирались из окружения. И пробились. Перевязанные потемневшими бинтами, обросшие, голодные, с воспалёнными от бессонных ночей глазами стояли они перед командиром. На левом фланге вытянулся Женя Савин. Теперь уже бывалый воин.

Здесь, под Пушкином, на новом рубеже битвы за Родину, сбылась Женина мечта: его перевели в разведку.

Уметь действовать в одиночку,

не растеряться, найти выход в трудную минуту — не все могут, но для разведчика это необходимо.

...Слоняется по деревне мальчишка в обтрёпанной одежке. Пиджак ему до колен, рукава подвёрнуты. Станный какой-то мальчишка. Немногие оставшиеся в деревне жители стараются не попадаться немцам на глаза, даже ребята жмутся за калитками, а этот бродит у всех на виду. Бездомный, что ли?..

Глаза у мальчишки блуждают по сторонам, в голове совершается лихорадочная работа. Деревня кишит немцами. Но что значит «кишит»? Это для разведчика не подходит. Нужна точность. И Женя считает: четыре танка на окраине, два возле штаба, ещё два... Четыре пушки... Двадцать три грузовика... А сколько же солдат? Женя досчитал до ста двадцати и сбился. Хоть снова начинай. Вот досада!

Из штаба выкатился жирный офицер, багровея проорал какую-то команду. Мигом отовсюду на площадь посыпали солдаты, стали в строй.

Женя повеселел. Вот это другое дело. Как по заказу! Теперь сосчитать ничего не стоит: двенадцать взводов. Так он и доложит командиру.

На крыльцо вышел другой офицер. За ним, угодливо изгибаясь, семеня какой-то неряшливо одетый, обросший щетиной человек. Мутным взглядом он окинул пустую улицу и вдруг уставился на одинокую фигуру мальчишки.

Жене стало не по себе от этого взгляда. Не оборачиваясь, он придвинулся вплотную к калитке. Но бежать было поздно.

Человек в штатском вытянулся на носках к уху офицера, что-то зашептал торопливо. Наверно, местный. Предатель. Увидел незнакомого и рад выслужиться.

Офицер дернул шеей, по-петушину, одним глазом, приподняв подбородок, вытаращился на Женю. Потом медленно, по-хозяйски широко и твердо ставя ноги

в тупоносых сапогах, пошёл к нему.

Женя подождал несколько секунд. Неторопливо, словно нехотя, сунул руку за пазуху. И вдруг резким сильным движением выбросил её вперёд. Спиной толкнул калитку, пробежал по двору. Грохнул взрыв. Женя не сомневался: осколки гранаты попали в цель, — в этого предателя, в офицера, в плотные ряды солдат.

Гитлеровцы очухались не сразу. Стрельбу открыли, когда Женя уже перемахнул плетень и огородами бежал к лесу.

На опушке его поджидали двое красноармейцев. Женя повалился к ним в руки, ловя пересохшим ртом воздух.

— Ой, парень, и переволновались же мы! Почему стреляли? Не зацепило?

Женя всё ещё не мог отдышаться:

— Ничего... порядок... узнал...

Командир совсем не по уставу расцеловал красноармейца Савина:

— Геройский ты хлопец! Как только свяжусь со штабом, буду просить для тебя правительственную награду А пока... пока срочно переоденься.

Женя сбросил с себя засаленный костюм, надел гимнастёрку, крепко затянул пояс, чеканя шаг подошёл к командиру. Командир приколол ему на зелёные петлицы маленькие блестящие треугольнички. Вскинул руку к козырьку фуражки:

— Товарищ Савин, поздравляю вас с присвоением воинского звания младшего сержанта!

— Служу Советскому Союзу!

А потом были новые бои. И были они такими тяжёлыми, что в Ленинград, на переформирование, из старых Жениных однополчан приехала совсем крохотная горстка.

Мало времени у солдата. Не успел Савин побывать в своём училище, не успел разыскать того военного корреспондента, с которым так долго говорили под Колпином.

Где он сейчас, майор с седыми висками? Может, стал знаменитым писателем. Может, погиб в Складном Ленинграде или на Курской дуге. Много там полегло наших...

В этом великом сражении Евгений Савин участвовал, пройдя сотни километров по освобождённой советской земле. Уже давно зажила рана, полученная под Невской Дубровкой. Только небольшой шрам остался на голове. А другая рана — в сердце — ныла всё сильнее. Где мать, отец, братья, сёстры? Что с ними? В обугленных сёлах он видел трупы истерзанных людей, видел виселицы и гестаповские застенки. Чьи-то родные встретили здесь смерть... Вставали бойцы в горьком молчании. Обнажали головы. Бросали в небо прощальный залп салюта как святую клятву отомстить. И шли дальше. И дрались с врагом ещё отважнее.

Но вот уже берёзовая, лесная Беларусь машет ветвями солдату Савину, радуется его приходу. Началось освобождение, началось! Может, приведёт его военная судьба в маленькую деревню Оздятичи?..

Однажды в гуле боя раздалась команда:

— Прекратить огни!

Затихла передовая. Только дальнобойные орудия посылали тяжёлые снаряды куда-то в глубину вражеской обороны. А над лесом, к которому совсем недавно не подпускали фашистские пулемёты, высоко в небо взвились ракеты — зелёная, ещё зелёная, красная... Не успели они погаснуть, как от батальонного командного пункта взлетели такие же ракеты.

— Что это? — недоумевающе спросил Евгений у соседа.

Тот пожал плечами:

— Может, выходит наша разведка? Или другая часть в тыл к немцам прорвалась?

Тишина на поле боя ещё тревожнее, чем грохот взрывов и свист пуль. Жёна на всякий случай поудобнее приладил винтовку.

И вдруг забыл о ней, забыл обо всём на свете.

На опушке леса показались всадники. В руках — немецкие автоматы. А на шапках, наискось, — алые ленты...

— Партизаны!

— Партизаны! Ура-а-а!

Бросились навстречу, обнялись. Евгения Савина крепко стиснул, приподнял над землёй бородатый великан, перепоясанный пулемётной лентой. Поцеловала, плача от радости, женщина в синем ватнике. А Жёна кидался ко всем с одним вопросом:

— Может, есть кто из Борисовского района? Про деревню Оздятичи ничего не знаете?

Качали головами. Обнадеживали:

— Найдёшь земляков. Слышали, там тоже партизаны действуют.

Борисовский район освобождали другие. Евгений уже шагал по дорогам Прибалтики, а душа болела ещё сильнее: был рядом, рукой подать, и не узнал ничего...

И тут неожиданно выпал Савину короткий отпуск, первый за всю войну, если не считать госпиталя. Сам командир дивизии наградил его этим отпуском за хорошую службу.

Заторопился солдат навстречу неизвестности. Счастье ждёт его или горе? Встреча или поздние поминки?

Солнце уже падало на макушки деревьев, когда после длинной дороги Евгений Савин увидел Оздятичи: рядом с целыми хатами чернели головешки, несуразно торчали остовы печей...

На том месте, где раньше стоял его дом, теперь было пожарище.

Евгений почувствовал, как на его плечи непосильным грузом навалилась усталость, накопившаяся за всю войну. Неверными шагами, ничего не видя вокруг, подошёл он к пепелищу. Обугленные куски дерева уже растолкал, пробился к свету густой бурьян — трава запустенья.

За спиной слышались шаги. Евгений обернулся и сразу узнал соседку. Та пристально всматривалась в незнакомого сержанта. Он стоял перед ней крепкий, плечистый, на груди светились две медали «За отвагу», пояс оттягивала кобура пистолета...

— Вы кого-нибудь ищете?

— Ищу, да, видно, зря,— горько ответил Евгений. — Савиных ищу.

— А кто же вы им будете?

— Да, тётя Паша, неужели не узнаёте?

Женщина, заворожённо глядя на Евгения, подошла вплотную, подняла ладони к щекам. Минуту смотрела не отрываясь. Потом, не говоря ни слова, вдруг повернулась и бросилась бежать от него к своей хате, застучала в окно:

— Мария Прохоровна, Антон Иванович! Сюда! Скорее! Радость-то какая!..

Тут уж и Евгений понял, затопился к хате. А навстречу ему толпой, перегоняя друг друга, высыпали Савины: отец, мать, братья Сергей, Петя, Вова, сёстры Аня и Тамара... Только старшего брата, Ивана, не было здесь. Но и он, оказывается, жив, — воюет, офицер. Все живы Савины! Были они в партизанском отряде, кололи фашистов всей семьёй. Не достали их гитлеровцы, в отместку хату спалили, в бессильной злобе вырубили сад. Так поступали они с домами всех партизанских семей. Поэтому так много пустырей в деревне Оздятичи. Ну да это ненадолго. Пока поживут у соседей, а потом отстроятся. Главное — снова свобода, снова советская власть...

Вот такая необыкновенная встреча произошла в августе сорок четвёртого года.

Родные Евгения Антоновича и сейчас живут в своей деревне. Шлют письма. Вот племянник вырезку прислал из пионерской газеты. А Евгений Антонович поселился в Петрозаводске. Он полюбил суровую Карелию, сроднился с ней так же, как с Ленинградом и Белоруссией, как с Тулой и Курском, волжскими и прибалтийскими просторами, по которым шёл к победе. Ведь Родина для советского человека — не только родительский дом, а вся необъятная ширь земли, над которой трепещет багряное знамя Страны Советов. За неё шёл в бой пятнадцатилетний воин. Ради нее трудится теперь Евгений Антонович Савин, капитан запаса, коммунист.

Балалайка в три струны

В Мурманском краеведческом музее, среди почётных реликвий Великой Отечественной войны, хранится са- модельная балалайка. Сделал её к 26-й годовщине Октяб- ря миномётчик-наводчик Н. А. Ануфриенко. Балалай- ка прошла с миномётчиками славный боевой путь по лесам Карелии и сопкам Заполярья.

Воинам 1221-го стрелкового полка, в котором «воева- ла» весёлая балалайка, и посвящается это стихотворение.

В скалах северных, в землянке,
В грозном грохоте войны
Вдруг запела балалайка —
Балалайка в три струны.
Забренчала, зазвенела,
Повела за трелью трель
Под бомбёжкой, под обстрелом,
В стужу лютую, в метель...

Начихать ей на ненастья!
И война ей — не война!
— Светит месяц, светит ясный,
Светит полная луна!
Слух прошёл по всей пехоте,
Сам полковник говорил:
— Миномётчик в третьей роте
Балалайку смастерил! —
Разобрал снарядный ящик
И, глядишь, — в один момент
Получился настоящий
Музыкальный инструмент.
Нету струн? Грустить не повод!
Из разведки прибыл взвод: —
Притащил трофейный провод:
Пусть по-русски попоёт!
То шипел он: «Фюер! Ахтунг!»,
Зарывался в ягель-мох...
А теперь по-русски ахнет, —

Мол, готовьтесь «хенде хох!»
И однажды по овражку
Без каких-либо помех
Долетел в окопы вражьи
Балалайки звонкий смех!
Затревожились фашисты,
Озираются вокруг:
Пуля? Нет, поголосистей
Этот новый русский звук.
По-иному воеет мина.
И снаряд не так свистит.
Ко всему ж, нигде не видно,
Что летит? Куда летит?
Прочищает оберст уши,
Тянет нос из-под земли:
Может, новые «Катюши»
Там ещё изобрели?
В штаб звонит по телефону:
— Герр полковник, так и так...
Прорывает оборону
Непонятным чем-то враг...
Загремели фрицев пушки —
В пыль разносят валуны.
А в ответ поёт частушки
Балалайка в три струны.
На неё в атаку танки
Через сопки норовят.

...И тогда у нас в землянке
Застегнул шинель комбат.
— Не дают дослушать, гады!
Бьют — аж скалы кувырком!
Поддержать певунью надо
Миномётным языком.
На КП артиллернсты
Всё прикинули точь-в-точь:
— Батарея! Надо быстро
Миномётчикам помочь.
Дан приказ — и тем же часом
Самолёты в бой пошли.
Увертюру эту басом
Поддержали корабли.
Вслед за танками пехота
В бой пошла — сильна, грозна!
Обмер оберст — н из дзота.
Дай бог ноги!
Пулю — нá!

Вой моторов, грохот танков
С той и с этой стороны!..
И пошла вперёд, на запад,
Балалайка в три струны.

...Может, было всё немножко,
Всё чуть-чутьочку не так,
Но прошла её дорожка
Через множество атак.
За норвежскою границей
Свой окончила поход.
Пела «барыню»! А фрицы
Подпевали: «О, майн гот!..»

Помнят фрицы: даже танки
Разлетались на куски
От обычной балалайки
В три струны да в три доски.
Если кто ещё не знает,
Сообщить тому могу:
И доска у нас стреляет,
Если надо, по врагу.

ВЕТЕР ГОНИТ ЛЬДЫ

(РАССКАЗ)

РОБКО, издалека наступа-
ла весна. Снег всё ещё
был глубок и, лишь подтаивая
на елях, большими комьями
гулко падал на землю. Осво-
бодившись от тяжести, ветви
долго кланялись друг другу.

В иные дни приносилась от-
куда-то на заставу выюжка-
метелица, мела своими длин-
ными белыми космами крыши,
звенела в телефонных прово-
дах да и убиралась восвояси.
Проходила её колючая зимняя
злость.

Залив весна ещё не трога-
ла; по-прежнему дремал он
под толстым ледовым покрыва-
лом и казался безбрежной
белой степью.

Распахнув настежь окно,
старший лейтенант Трофим
Белобров старательно проти-
рал влажной тряпкой стёкла.

— «Весна идёт, весна
идёт!» — весело распевал он.

На северо-запад Белоброва
перевели недавно с южной
границы. Поселился он в од-
ном домике вместе с началь-
ником заставы.

Когда стёкла стали чисты-
ми, старший лейтенант устро-
ился на подоконнике и вынул
из кармана гимнастёрки голу-
бой конверт. В конце письма
крупными печатными караку-
лями было написано: «Доро-

гой папычка, мы очинь по те-
бе соскучивались. Завтра вы-
езжаем. Толик».

— Ну и грамотей! — радо-
вался вслух старший лейте-
нант, перечитывая строчки ше-
стилетнего сынишки. — Дня
через три будут здесь. Вот
здорово!..

— Товарищ старший лейте-
нант, вас начальник зовёт! —
крикнул в окно дежурный.

Вымыв руки, Белобров при-
вычным движением больших
пальцев разогнал складки на
гимнастёрке, поправил расчёс-
кой волосы. Выражение слу-
жебной озабоченности снова
появилось на его лице.

— Как здоровье, Трофим
Федорович? — по привычке
спросил начальник заставы
Бигосов.

— Отличное, товарищ ка-
питан.

— Поедете на ледовый
пост. Старшину подмените.
Его в санчасть зубы лечить
вызывают. Побудете суток
двое. Кстати, что-то связь там
барахлит и с приготовлением
пищи не ладится. Возьмите
повара и связиста, пусть по-
могут...

Ехать надо было срочно, и
Белобров тотчас распорядился
подготовить сани.

Наторённая рыбаками дорога на случай заносов была обозначена по сторонам еловыми ветками. Кое-где она оказалась переметённой, и сани, загруженные дровами, шли тяжело, несмотря на явную старательность Артиста — обозной лошади заставы.

«Через двое суток вернусь, — прикидывал старший лейтенант, — как раз и встречу».

Он шёл по колее за санями. За ним шагал связист Роман Пышко, молодой, круглолицый украинец. Несколько сзади — повар, ефрейтор Хлопотун.

Снежный покров на льду был испещрён следами птиц и

зверей. Особенно много виделось тетеревиных. Осторожные птицы слетались сюда на ток, — даже хитрая лиса не сможет подкрасться к ним на голой равнине.

Возле одного следа-бороздки Пышко остановился. Ему подумалось, что кто-то протаскивал по снегу доску.

— Пустое, выдра тащила рыбину, видно, леща, — даже не останавливаясь, заметил старший лейтенант. — Посмотрите, наверное, и перепонки свои отпечатала и кровь на следу есть...

— Есть, точно есть, перепонки на лапах, как утиные, и красные пятнышки! — воскликнул Пышко, восхищённый догадливостью офицера.

Всю дорогу Белоброва не покидало весёлое настроение.

«Весна идёт, весна идёт!» — выговаривал он про себя.

КИЛОМЕТРАХ в пятидесяти от берега на льду стоит городок из палаток и небольших фанерных домиков. Можно подумать, что тут зимовье для полярников или стан рыбаков-подлёдников. Впрочем, не видно ни сетей, ни радиомачт, ни собачьих упряжек. Стоят лишь быстросходные аэросани, возле них жуёт сено лошадь, запряжённая в какую-то пожарную каланчу на брёвнах-полосьях. На верхней площадке каланчи ходит часовая.

Под городком — с полметра льда, подо льдом — семьдесят, а то и все сто метров воды. Летом корабли пересекают здесь морской рубеж страны. А теперь?

— Слушаюсь, выступить на охрану государственной границы Союза ССР! — доносится из палатки голос очередного пограничника, уходящего в наряд. Над палаткой развешается красный флаг. Лёгкий шёлк трепетно парит в воздухе.

Справа и слева от лагеря заметны на снегу дозорные лыжники. Днём и ночью скользят по ним наряды пограничников. Вся жизнь здесь, как и на сухопутье, строго рассчитана по минутам.

Кто бы мог подумать, что в этот день твёрдый распорядок пограничной службы на посту неожиданно будет нарушен!..

К вечеру небо нахмурилось раньше времени. Шквальные порывы ветра принесли с собой мокрый, слепящий снег. Даже опытному лыжнику трудно в такое время. А Роман Пышко — первогодок, и приехал он сюда из колхоза «Черноморец», где, считай, и зима-то настоящей никогда не бывает. Летний, тёмно-коричневый загар тракториста и сейчас ещё не сошёл с его полного лица с лохматыми бровями и мягким раздвоенным подбородком.

С трудом передвигая лыжи, облепленные мокрым снегом, он шёл по приказу старшего лейтенанта Белоброва, начальника ледового поста, к месту обрыва проводов.

Прежде чем шагнуть, Пышко с силой втыкал палку в снег, прощупывая прочность льда. Места подозрительные он обходил стороной.

Вот и участок, где по его,

Романа Пышко, предположениям должен быть обрыв. Солдат остановился и, сняв шапку, несколько раз с силой потряхнул ею, сбивая мягкий, тающий снег. Затем вытер платком мокрое лицо, прошёл десяток шагов и снова остановился.

— Что-то тут неладно! — вслух проговорил он, вглядываясь в тёмную полоску, змейкой извивавшуюся впереди.

Две-три секунды Пышко стоял, соображая: «Полынья? Откуда? Начальник говорил, что на всём пути ни одной трещины. Эх, да она шире становится! — заметил он. — Оторвало!.. Что же теперь? Доложить надо!..»

В палатке с флагом старший лейтенант Белобров ровным голосом диктовал радиосту:

— «Пост оторвало. Находимся на льдине. Скорость движения три—четыре километра в час. Ветер штормовой зюйд-вест. Нуждаюсь помощи». Радио в порядке? Передать открыто, немедленно!

Отправив донесение, Белобров с минуту стоял молча. Рыжий клочок волос, выбившийся из-под шапки, нависал над крутым лбом.

«Нуждаюсь в помощи!.. А откуда она придёт? Ближайшие порты — во льду. Ледокол?.. Будет не раньше чем послезавтра. О самолётах и думать нечего. Ночь, пурга, шторм...»

Белобров вышел из палатки. Ветер свирепо рванул с плеч растёгнутый полушубок.

— Эх его прорвало, дьявола! — сердито буркнул он, застёгиваясь.

В снежном буране слышались голоса солдат, мелькали белые полушубки. Девятнадцать человек... И имущество: аэросани, лошадь, оружие, боеприпасы, продукты...

— Сержанта Митрошина ко мне! — громко распорядился старший лейтенант.

— Митрошин, начальник зовёт! — передали команду сразу несколько голосов.

— Есть! — на бегу ответил сержант.

— Будем делать плот. Вышку, дрова — всё используйте. Людей и груз рассредоточить равномерно. Лишнюю беготню прекратить. Назначить наблюдателей и слухачей. Каждые тридцать минут давать две ракеты. Об изменении обстановки докладывать немедленно.

Переходя от одной группы солдат к другой, Белобров говорил:

— Связь с землёй прочная, товарищи. В помощи я уверен. А так, на всякий случай, скажу: если льдина расколется, главное — не допускать паники. Даже на небольших льдинах можно держаться...

ВЫИДЯ из палатки начальника поста, Пышко почувствовал тяжёлую усталость. Хотелось пить, страшно ныли ноги. Он побрёл к повару. Высокий, худощавый, очень подвижной Хлопотун, в белой курточке и колпаке, встретил Пышко приветливо:

— Садись, садись, друже. Чаёк сейчас, сию минуту... Да ты не смущайся, у нас всякое бывает — граница!

Заметив беспокойство в глазах Пышко, Хлопотун спокойно продолжал:

— Нас вот так же раз с отцом прихватило. Это ещё до службы дело было. В Белом море. На тюленей ходили...

Хлопотун помолчал немного, наливая Пышко полную кружку чая.

— Ну и как, натерпелись страху? — спросил Роман.

— Как тебе сказать? Не без этого. Да ты пей, пей, теплее будет, слушай и пей. Глядишь — и теперь всё обернётся по-хорошему.

— А что же дальше? Как спаслись? — насторожился Роман.

— Дальше? А дальше так. День прошёл, второй начался, а нас всё гоняет по морю, как корабль без руля и якоря. От льдины-то самая малость осталась, а помощи нет и нет. Хлеб на третий день вышел до крошки. Ни чаю вскипятить, ни огня развести — льдина, словом... За тюленя принялись, намеренно убитый был у нас. Так и съели сырым. Противно, бр-р-р! День за днём, целую неделю мотало. Уж коченеть начали. Какую-нибудь малость ещё, и всё бы... Тут самолёт нас обнаружил... Глянь-ка сюда, видишь? — И повар пригнулся, показывая Роману свою голову.

— Вижу, седые...

— Вот то-то; значит, нелегко было.

— А сейчас? — спросил Роман.

— Сейчас что, другое дело. Нас девятнадцать. Шубы, хлеб. Спички бы не подмокли! — спохватился повар. Вынув из ящика три коробка, он тщательно обернул их платком и засунул под ушанку. — Энзе будет, — рассудил он, принимаясь взвешивать на руках мешочки с крупами. — Суток на двое, не больше; маловато, — сказал он выходявшему Пышко.

— Вода! Вода появилась! — кричал кто-то снаружи.

Тоскливо заржал Артист.

Хлопотун выбежал из палатки, но его опередил Белобров:

— Кто кричал? Это вы, Пышко?

— Так точно, я.

— А где ваш автомат?

— Я... там, возле лошади, оставил.

— Так вот, рядовой Пышко: во-первых, о вашей растерянности поговорим после смены. Во-вторых, докладывать надо, а не паниковать попусту... У вас что — дел нет? Соберите лыжи в пирамиду, видите — разбросало. За Артистом смотрите.

— Товарищ старший лейтенант, радио есть, вот. — Радиостанция подала Белоброву листок бумаги.

Пробежав глазами по тексту, Белобров громко прочёл:

— «Держитесь уверенно, утром высылаем самолёты. Состояние льдины доносите

каждый час. Принимаем все меры. Нач. отряда».

Обследовав льдину, Белобров понял: её начало захлёстывать волнами. Но пока что толстый слой снега впитывал воду, и она выступала на поверхность только у краёв, к центру же тянулись кое-где ручейки.

Старший лейтенант приказал людям к краям льдины не подходить, беречь обувь от воды, передвигаться поодиночке, соблюдая осторожность.

Пурга не унималась всю ночь. Порывы ветра доставляли особенно много неприятностей повару. Полевая кухня то дымила как паровоз, то глохла, выбрасывая через топку длинные языки пламени. Беспокоила Хлопотуна и его прикухонная палатка. От потепления колышки, вмороженные в лёд, ослабли. Он пытался укрепить их, но лёд крошился. Дальше всё произошло так быстро и неожиданно, что даже выдавший виды солдат растерялся. Яростный порыв ветра рванул палатку, и она вместе с колышками взвилась в воздух. Раздувшись парусом, палатка накрыла аэросани и тронула их с места. На глазах оторопевшего повара аэросани умчались и исчезли в море. С ними исчез и небольшой запас продуктов, который хранился подальше от воды.

ПЯТЕРО солдат — и среди них рядовой Пышко — строили плот. Сержант Митрошин был за старшего.

Брёвна от наблюдательной вышки, запас дров, продуктовые ящики — всё было пущено в дело. Вожжи, поясные и ружейные ремни пошли на крепление плота. Возле двух невысоких мачт на плоту лежали скрученные в рулоны палатки. Они должны были служить парусами. Плот был почти готов.

— Четыре-пять человек, больше не поднимет, — рассуждал Пышко, заматывая бинтом исцарапанную в кровь руку. — А нас девятнадцать. Карасей на пруду ловить с такого плота!

Но был приказ — срочно соорудить плот, и Пышко старался изо всех сил. С ожесточением, молча работал и сержант Митрошин. Время от времени он сухо бросал короткие команды. До службы Митрошин работал на стройке плотником, поэтому плот, хотя и небольшой по размерам, был сделан прочно, на совесть.

Между тем льдина продолжала двигаться строго на запад. Подгоняемая ветром, она то поднималась вместе с волнами, то проваливалась в кипящую яму. Она наталкивалась на целые поля торосистого льда. Слышался треск, края льдины дробились. И без того небольшая, площадка, на которой держались пограничники, становилась всё меньше и меньше.

Зайдя в свою палатку, Белобров опустил на складной стул с брезентовым сиденьем перед таким же складным столиком с фанерной крышкой.

За тонкой полотняной стенкой завывал ветер, звенели, как струны, верёвочные растяжки. Записав в книгу пограничной службы количество людей на посту на данные сутки, скорость и направление движения ветра и льдины, офицер отложил в сторону авторучку. Сунув руку в карман за порт-

сигаром, он неожиданно вытащил письмо.

«Дорогой папычка, мы очинь по тебе соскучивались...» — прочитал Белобров знакомые строчки и задумался.

...Пышко пристроился возле Артиста, прячась за ним от ветра. Но Артист и сам, под-

жав задние ноги, мелко дрожал и чаще обычного подавал свой тревожный голос.

— Да перестань ты, окаянный, — сердито толкал Пышко Артиста. Лошадь поворачивала голову и тянулась к нему тёплыми губами.

— Ну не сердчай, чего тебе? — менял Пышко гнев на милость.

Всю ночь он не смыкал глаз. Время тянулось мучительно долго. Рассвет наступал медленно.

Прикорнув кто как мог, подставив спины ветру, подняв воротники полушубков, пограничники отдыхали. Бессонная ночь утомила всех. Вдруг Пышко насторожился, вскочил на ноги. Поднялись и остальные. Над головами, из-за облаков, послышался гул моторов.

— Самолёт!

— Ракеты! — скомандовал старший лейтенант.

Одна за другой в воздух взвились ракеты: красная, зелёная, красная. Потом ещё такая же серия. Когда погасла последняя ракета, самолёта уже не было слышно.

Метель не переставала, ветер бесновался с прежней силой.

ТОЛЬКО после полудня погода над заливом стала улучшаться. Стихал ветер. Поголубело небо. Ударил лёгкий морозец. Солдаты поднялись на ноги и с беспокойством обшаривали глазами светлеющий горизонт. Внимание

всех привлекла небольшая тёмная полоска.

— Земля?!

Белобров поднял к глазам бинокль. Какая-то тёмная полоса действительно виднелась километрах в пяти от пограничников. Но ветер гнал льдину в сторону от этой полосы, и она удалялась, становилась всё меньше и меньше.

— Сержант Митрошин, быстро паруса ставить! — приказал Белобров. — Вместо руля — брёвна!

Пять солдат бросились разбирать плот. Вскоре между двумя мачтами заполоскалось полотнище из плащ-палаток. Ветерок натянул самодельный парус, льдина заметно ускорила ход. У руля, сделанного из двух скреплённых брёвен и широкой доски, стояли Хлопотун и Пышко. Они старательно налегали на руль, направляя льдину в сторону земли.

Уже в сумерках льдина причалила к небольшому островку, в центре которого стояла одинокая, низкорослая сосна. До берега оставалось метров двадцать воды. Ткнувшись в камень, льдина медленно стала разворачиваться по ветру.

— Э-э, так снова унести может! — забеспокоился начальник поста. — Сержант Митрошин! Паруса убирать! Живо, живо!..

Но пока команда исполнялась, льдину отнесло ещё метров на пять.

Заметив это, Пышко подбежал к Белоброву:

— Разрешите мне. Плавать

хорошо умею, возле моря жил!

Начальник поста заметил в руках связиста конец двойного телефонного провода. В

глазах молодого солдата виделась решимость.

— Добро, товарищ Пышко, доверяю. Осторожнее только будьте.

Скинув верхнюю одежду и валенки, связист прыгнул в воду, крикнул от холода и поплыл, держа в зубах конец провода...

Восемнадцать пар глаз насторожённо следили за Романом Пышко. Наконец он достиг берега.

— Где его шуба?— крикнул Хлопотун. — Тащите, нагревать буду...

— Товарищи, так у меня же тёплое белье в запасе! Ни разу не надевал,— схватил сержант Митрошин свой вещевой мешок.

— Чай, чай разогревайте!

Пышко изо всех сил тянул провод, второй конец которого держало несколько солдат. И когда льдина, скользя по камням, уткнулась в берег, Пышко привязал конец за сосну.

— Ошвартовались! Ура! На мертвом якоре стоим!— кричал Пышко, бегом возвращаясь на льдину.

Вскоре возле сосны запылал большой костёр. Он и обогревал людей, и служил ориентиром. Определив по карте местонахождение поста, Белобров передал координаты в штаб части.

Часа через полтора над головами пограничников появился большой транспортный самолёт. Не снижаясь, он сбросил объёмистые мешки из брезента.

Весело приплясывая, Хлопотун вместе с Митрошиным принялся сортировать посылку с «большой земли». Тёплые вещи складывал Митрошин,

съестным распоряжался повар. Солдаты окружили их плотным кольцом.

— Живем, други мои!— весело кричал Хлопотун, подкидывая вверх коричневые кружки «краковской».

Между тем быстро стемнело. После бессонных ночей люди крепко заснули.

С рассветом воздух наполнился гулом моторов. Над островом повис вертолёт. Второй, ожидая своей очереди, кружил поодаль.

Всё шло хорошо, погрузка людей и небольшого хозяйства подходила к концу. Неожиданно заупрямился Артист. Никакими силами не удавалось погрузить его. Два раза солдаты прилаживали подмости к вертолёту—Артист разбивал их. Промучившись около часа, пограничники вынуждены были оставить коня на островке.

Две недели его навещали лётчики, сбрасывали тюки сена. Но, прилетев однажды, они увидели пустой остров. Упрямец загадочно исчез.

А несколько дней спустя Роман Пышко стал свидетелем события, взволновавшего всю заставу. Солдат стоял на посту; он неторопливо ходил возле ворот заставы, насторожённо прислушиваясь к звукам. С залива ползли на заставу густые клубы тумана. Неожиданно внимание часового привлёк топот на дороге.

— Стой, кто идет?— громко окликнул он.

В ответ фыркнула лошадь...

— Товарищ старший лейте-

нант! — заметив Белоброва, гулявшего по двору с сыном, закричал Пышко. — Артист объявился! Артистик наш... Исхудал-то как!

— Это он, о котором ты мне сказку рассказывал? — спросил Толя отца.

— Он самый. Пойдём по-

глядим, а когда поправится, покатаю тебя на нём... Кстати, товарищ Пышко, помните, там, на льдине... насчёт растерянности?

— Помню, товарищ старший лейтенант.

— Вот и хорошо. Будем считать, что разговор у нас состоялся. Несите службу.

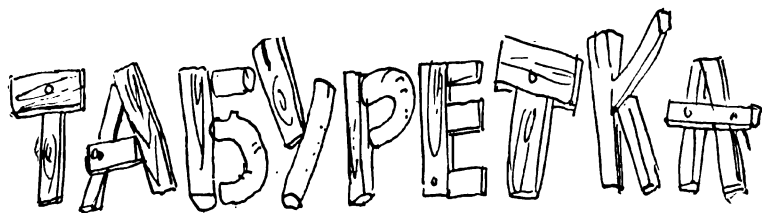
✱

Попробуй-ка найди!

(Загадочная картинка А. Курушина)

Три бойца — состав секрета —
Хорошо укрылись где-то.
Верный пёс упрятан ловко.
Вот что значит маскировка!

Оглядываясь на первые дни своей службы в армии, я не могу не вспомнить своего первого воинского начальника, ротного старшину Сергея Ивановича Клинкава... Высокий, голубоглазый, с завитками серых волос из-под фуражки, старшина Клинкав первый из командиров ввёл меня, новобранца, в незнакомый мне тогда ещё мир: мир солдатской находчивости и инициативы...

Помню, это было на пятый или на четвёртый день службы. Наш взвод был выделен на какие-то работы, и Клинкав пришёл, чтобы проинструктировать нас. Идти со взводом мне ужасно не хотелось. Стоя в строю, я лихорадочно соображал, как бы мне избавиться от этих работ, и после инструктажа обратился к старшине. Мол, наш замполит роты, товарищ старший лейтенант Воднев, спрашивал, нет ли среди вновь прибывших художника. Так вот я — художник. Могу писать и рисовать всё, что надо.

— Отошлите меня к замполиту, — закончил я. — Вы же знаете, как ему нужен художник.

Я не выдумывал. Замполит роты действительно искал художника, но спрашивал об этом как раз в тот момент, когда я помогал на кухне чистить картошку, а что я хорошо рисую и пишу, никто из моих новых товарищей ещё не знал и не мог сказать об этом старшему лейтенанту.

Старшина роты внимательно выслушал меня:

— Значит, хотите идти рисовать?

— Так точно! — браво отчеканил я. — Рисовать и писать, оформлять стенгазету, всё, что угодно.

— А ещё что умеете? — спросил Клинкав, разглядывая меня своими голубыми глазами. — Покажите-ка руки...

Не понимая, куда он клонит, я выставил вперёд руки и повернул их ладонями вверх.

— Работали где-нибудь? — спросил старшина.

— Никак нет. Готовился в Академию художеств.

— И что же, могли принять?

— Могли бы...

— Ну ладно, — раздумчиво произнёс он. — Оставайтесь.

Взвод мой с песней ушёл на работу, а я остался с Клиновым. Старшина, казалось, очень заинтересовался мной. Он расспрашивал меня о доме, о родителях, о жизни вообще; поинтересовался, нравится ли мне в армии, и усомнился, когда я ответил, что нравится.

— Ведь вы же ничего не умеете, — возразил он. — Таким поначалу служба хуже мачехи бывает... Ну да дело сейчас не в этом...

— Я могу идти в клуб к замполиту? — обрадовался я.

— Дело в том, — прервал меня старшина, и мне показалось, что он подавил улыбку,

— дело в том, что мне надо сделать табуретку... За этим я вас и оставил. Сделайте и несите в мою каптёрку. И времени вам на это, — он посмотрел на часы, — до обеда.

— Но я же не умею...

— Вот и научитесь.

— Но... а где же я возьму топор? А гвозди?..

— Не знаю, — равнодушно сказал старшина. — К сожалению, ничего этого и у меня нет... Да вы что, собственно, пререкаетесь? — вдруг нахмурился он. — Вам приказ ясен?

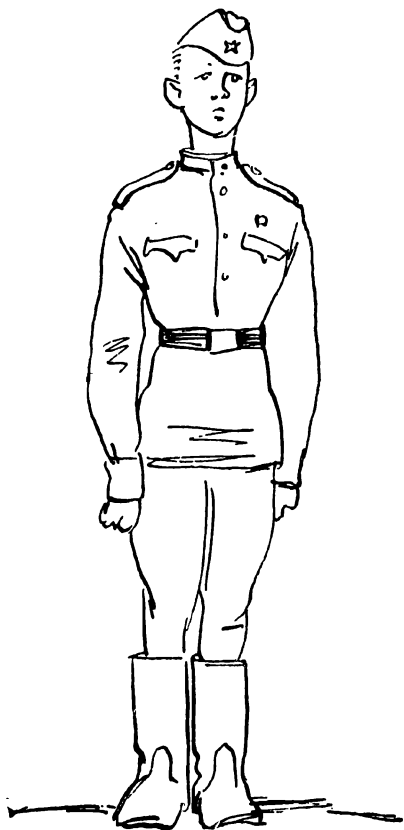
— Ясен...

— Выполняйте!

— Слушаюсь...

Старшина ушёл, оставив меня в растерянности. «Смеётся он надо мной, что ли? — думал я. — Ну какую ему ещё надо от меня табуретку? Что я — столяр? Плотник? Краснодеревец? Да коли на то пошло, я едва рамку-то для картины сколотить умею... Нет, шёл бы уж я лучше со всеми. Копал бы сейчас что-нибудь да посвистывал или носил на носилках. И никаких табуреток, никаких проблем с гвоздями и топорами...»

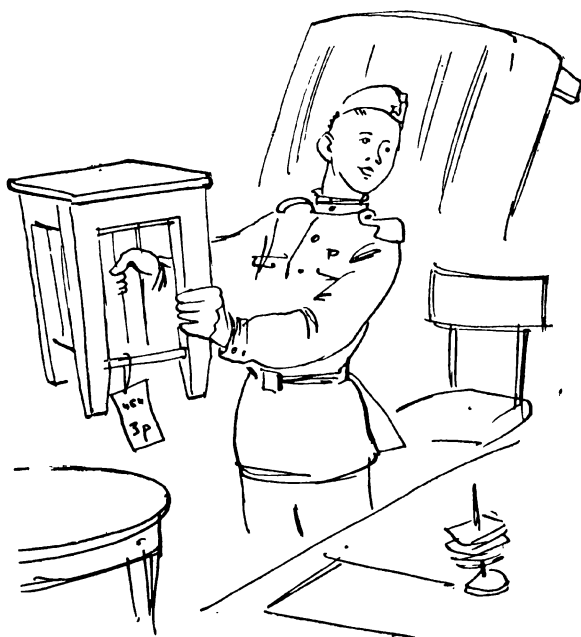
Однако шло время, и надо было что-то предпринимать: к этому меня обязывала воинская дисциплина. Я уже знал тогда: пока я не выполню приказание старшины или пока он его сам не отменит, никакая сила не поможет мне перейти в распоряжение замполита. Значит, так или ина-

че, а табуретка должна к обеду стоять в каптёрке Клинкова. Должна стоять! Но как её сделать? Чем? Из чего? Этого я в тот момент не представлял.

Конечно, такие случаи, когда мне приходилось выполнять какую-нибудь постоянную работу, бывали и раньше, но там, на «гражданке», они обставлялись совершенно по-другому. Например, чтобы прибить в классе плакат, школьный завхоз давал мне в левую руку четыре гвоздя, а в правую молоток и подставлял лестницу... А тут? Из ничего предлагали (не предлагали — приказывали) сделать табуретку. Тут было над чем подумать.

Мне вспомнилась похожая ситуация. Кажется, это было в восьмом классе школы. Мы проходили тогда по физике свободное падение тел. Закон Галилея. И вот, чтобы проверить истинность закона, я и ещё двое учеников нашего класса взяли и сбросили с окна третьего этажа учительский стул. Было много неприятных разговоров, но всё разрешилось сравнительно просто. Мы — трое учеников — взяли у родителей деньги и без всяких затруднений купили в класс новый стул. И всё. «А что, если я и

здесь поступлю так же? — вдруг подумал я. — Старшине нужна табуретка. Какая ему разница, кто её делал. Ему даже ещё лучше будет, и мне возиться не надо. Куплю — и порядок».

Кое-какие деньги у меня были, но немного не доставало. Я побежал в казарму и занял у дневального по роте. Потом я отправился в военторг, который был тут же на территории городка, и купил хорошую крашеную табуретку. С этой табуреткой я и предстал перед старшиной Клинковым.

— Ваше приказание выполнено, — бодро отчеканил я. — Табуретка в полном порядке.

Клинков поковырял ногтем краску на сиденье.

— Рядовой Володин, — печально сказал он, — у вас золотые руки. Такого специали-

ста мы еще здесь не встречали...

Он замолчал. И я вдруг почувствовал, что очень обидел его.

— Отныне вы будете у нас по столярной части, — сухо сказал Клинков. — Каждый день после обеда вы будете делать по табуретке. Вам ясно, рядовой Володин?

— Ясно, товарищ старшина, — сказал я, краснея. — Так точно...

— Можете идти.

Я пошёл. Мне было ужасно стыдно. Хотелось поскорей всё как-то исправить, загладить, вычеркнуть к чёрту эту магазинную табуретку, будто её и вовсе не было. Хотелось, чтобы Клинков думал обо мне иначе...

После обеда ко мне подошёл командир отделения, младший сержант Орлов.

— Ну что, — спросил он, — рисовали у замполита?

— Нет, — ответил я. — Старшина заставил меня работать.

— Что? — засмеялся младший сержант. — Наверное, табуретку делать?

— Так точно, — подтвердил я, — табуретку.

— Мне это знакомо, — с улыбкой сказал Орлов, — я тоже начинал у Клинкова. Сначала, конечно, растерялся, а потом ничего. И топор нашёл, и гвозди... и всё, что надо.

— А я не нашёл, — сказал я. — Я купил табуретку в военторге.

— Эх ты, — сказал Орлов, — салага!.. Не понял ты ещё, видно, службы...

«Ах, вот в чём дело, — догадался я. — Ну ладно...»

— Понял, — сказал я. — Теперь понял.

...Топор я нашёл на кухне. Он был страшно тупой и всё время соскакивал с топорница. Первым делом я прочно насадил его. Потом пошёл в артмастерскую и как следует наточил. Из берёзовых чурок, приготовленных на дрова, я вытесал четыре бруска для ножек. После этого на правой ладони у меня вздулась мозоль. Но я продолжал работать. Выпросив там же, на кухне, старый ящик из-под консервов, я расколотил его и таким образом добыл необходимые мне гвозди и доски. Правда, доски были тонки, но я приколачивал их накладывая одну на другую. Если требовалось что-нибудь отпилить, я пилил двуручной пи-

лой. Так я работал до ужина и за это время сколотил табуретку. Табуретка получилась у меня с виду топорная, но прочная и устойчивая, что, на мой взгляд, гораздо важнее для такой вещи.

И старшина Клинков одобрил мою работу.

— Топорная работа, — сказал он, — но ничего. Пойдёт.

А вечером, после проверки, старшина Клинков вызвал меня из строя и, к немалому моему удивлению, объявил мне благодарность «за проявленную инициативу при вы-

полнении порученного задания».

С тех пор прошли годы. Я отслужил в армии, окончил институт живописи и теперь работаю на заводе художественного стекла. И часто, когда мне приходится видеть, как молодые специалисты, сталкиваясь с какой-нибудь пустяковой, но незнакомой им работой, теряются и часами ждут помощи, я с благодарностью вспоминаю своего первого воинского наставника, ротного старшину Сергея Ивановича Клинкова.

А. Крестинский

Если б только люди захотели

*Если б только люди
захотели,
Кончились бы вьюги
и метели.*

*Если б только люди
захотели,
Птицы бы обратно
прилетели.*

*Если б только люди
захотели,*

*Летний свой наряд леса
надели,*

*И грибы и ягоды
поспели,*

*Если б только люди
захотели.*

*Но метет метель уж
две недели.*

*Видно, снегу люди
захотели.*

Р е ц е п т

*— Не знаешь ли,
пингвин,
Лекарства от ангин?*

*— Лечите их
морозами, —*

Ответил он всерьез, —

*Мороз — большими
дозами.*

*Три раза в день —
мороз!*

История с трактором

ОДНА ЖЕЛЕЗНАЯ СИЛА

КОГДА-ТО трактор был величайшая новость. Подумать только: взяли живую, тёплую лошадь и в один момент заменили коляской на четырёх колёсах. Это настолько поразило тогда человечество, что до сих пор трактор сравнивают с лошадью: кто сильнее?

Но сперва это сравнение — в силах — никому ничего не говорило. То есть, сколько в нём лошадиных сил, всем казалось неважным. Если б сделали трактор в одну лошадиную силу — и тогда он, я думаю, всем бы понравился.

— Он железный? Железный. Значит, всё хорошо.

Это железное качество трактора людям казалось вначале ценнейшим. Заменили лошадь ведь не из упрямства, не потому, что просто настал век машин, в котором мохнатая лошадь будет портить общую «железную» картину. Заменили оттого, что это был единственный путь накормить всех людей, сделать столько хлеба и других продуктов, чтобы все были сытыми. А трактор может вспахать и засеять такое большое поле, что и самой лучшей, терпеливой лошади не под силу. И тем больше может он вспахать, чем больше может заменить этих самых лошадей.

Поля росли, становились всё шире. Трактора тоже росли. Росли, но медленно. Ходит по полям трактор в пятьдесят четыре лошадиные силы, ползёт себе со скоростью хорошего пешехода. Стало ясно, что теперь нам нужны трактора мощнее, которые смогут быстрее пахать.

ДВА ПУТИ

КАК ЖЕ сделать трактора сильнее? Есть два пути. В любом деле как-то всегда есть два пути. Я даже не знаю, почему. Должно быть, эти самые пути всегда разгуливают только попарно.

Можно было взять каждый трактор и поставить к нему новый двигатель, более мощный. А можно было прежние трактора оставить как есть и начать конструировать новый, в три-четыре раза более сильный. И так, два пути. Но какой из них лучше? Какой вернее?

Оба, оказывается, лучше. Оба вернее. И один и другой.

Действительно, прикинув, решили так: будем делать новый, а пока мы его создадим, нужно увеличить мощность тех, что уже выпускаются.

И тогда все заводы страны увеличили мощность своих тракторов. Ленинграду же, его известному Кировскому заводу, поручили создать огромный трактор в двести двадцать лошадиных сил. Таких тракторов на российской земле еще не было.

МОЗГОВАЯ ТРУДНОСТЬ

ВОТ ТУТ-ТО начинается история о том, как вообще создаётся в первый раз совершенно новая машина и что при этом бывает, какие трудности.

Первая, конечно, — это трудность мозговая, то есть трудность придумать конструкцию. Тут сидят конструкторы и работают головами — голова к голове. Что приходится делать конструктору?

Во-первых, занестись своей фантазией куда только сможет. Так, чтобы все его считали не совсем даже умным, не совсем, как говорят, нормальным человеком. Так мы всегда относимся к тем, кто действительно во многом нас опередил. Лишь потом понимаем мы, как были тогда неправы. Но конструктора это не должно огорчать.

Во-вторых, изучить все другие, хоть немного похожие, машины, понять, куда идёт их развитие, чтобы через несколько лет это развитие не оставило новую машину далеко в стороне от себя. Ну, например, что в конце концов победит: колесо или гусеница? Это надо понять.

В-третьих, разузнать, где в других странах мира есть похожие большие трактора. По возможности, получить их, купив за большие деньги. Взять молоток, взять отвёртку — и разломать на такие мелкие части, на какие только получится. Это, вы скажете, ещё для чего? Думаете, для того, чтобы сделать машину такой же? Нет, чтобы сделать её непохожей и лучше.

И, в-четвёртых, опять занестись своей фантазией куда только можно. Даже увидеть во сне небывалый вид и окраску новой машины. Фантазия для конструктора — это самое главное.

Может показаться, что я говорю несерьёзно. Просто шучу, так как главный редактор попросил меня в очерке слегка пошутить.

Нет, это всё совершенно серьёзно.

БУМАЖНЫЙ ТРАКТОР

КОНЕЧНО, новый трактор — это всё же трактор. В этом смысле он не полная новость. У него есть история, есть предшественники.

Скажем, не надо заново изобретать ему колёса, так как колёса уже успели нам когда-то придумать. В то же время и с колёсами было не всё очень просто, хотя их и придумал гениальный человек глубокой древности. Колесо у нового трактора надо обдумать. Надо его хорошо рассчитать. И то сказать: знаете, какие получились колёса? Каждое весом по триста кило.

Что же говорить о вещах вовсе новых, которых раньше никогда не применяли? Нужна огромная смелость, чтобы их применить.

Например, при повороте этот огромный, длинный трактор должен был бы описывать большую дугу. При этом углы у полей получились бы круглые, пропадало бы много земли. И вот что придумали: трактор при повороте ломается посередине. Он, конечно, не ломается, а как бы складывается. Там у него теперь устроили

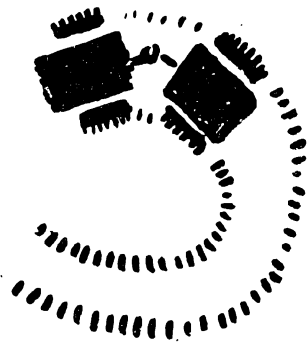
шарнир. Ведь если бы трамвай не состоял из двух вагонов, а в длину был такой же, но сплошной — ему ни за что было бы не развернуться на поворотах или повороты занимали бы целую площадь.

Нет, это сложно — спроектировать новую машину на бумаге. На это обычно уходит не один даже год.

Бешено тратилась бумага в эти месяцы на Кировском заводе. Работники складов не знали, что делать. Я думаю, если собрать всю бумагу, все черновики, все готовые чертежи, все прозрачные кальки, что снимаются с них, все рабочие синьки на каждую из деталей, то бумага эта весила бы не меньше, чем сам трактор.

Вот уже готова бумажная рама. Вот появился двигатель из хорошей бумаги. Вот четыре огромные бумажные колёса. Вот бумажная для тракториста кабина.

Через год бумажный трактор был готов.

ВТОРАЯ ТРУДНОСТЬ — НАДО СДЕЛАТЬ

ТЕПЕРЬ наступила новая трудность — сделать трактор, хотя бы один. Это, оказывается, тоже трудно, несмотря на то что чертежи уже есть.

Легко сказать — «сделать». Но вот, к примеру, те же колёса, — где их взять, такие огромные? Ведь подобных колёс ещё никто не выпускает.

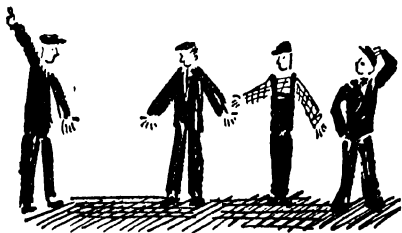
Когда мы трактор окончательно запустим в производство, их, ясно, сразу начнут выпускать, но сейчас-то их нет. А сделать специально четыре таких колёса очень трудно, потому что четыре — это мало. Очень невыгодно делать так мало. Целую же партию нам заказывать не нужно, потому что опробуем трактор и, возможно, колёса изменим.

А колёсная трудность — это только пример; их, таких, было много.

«ВЫ КОМСОМОЛЬЦЫ, И МЫ КОМСОМОЛЬЦЫ»

ДЛЯ ИСПЫТАТЕЛЬНОГО стенда нужен был один специальный электрический двигатель. Этот двигатель делает завод, что в Кузбассе.

Написали главные инженеры друг другу по письму. Вежливые такие письма на красивых бланках. «В порядке оказания

технической помощи... прошу Вас...» — начиналось одно. «На Ваше письмо номер такой-то... сообщая, что, к сожалению...» — начиналось другое. Словом, не можем помочь вам ничем.

На уровне главных инженеров ни о чём не смогли договориться.

И тогда комитет комсомола завода позвал одного молодого комсомольца по имени Миша и послал его съездить в Кузбасс. Казалось бы, что сможет Миша, если даже главные не могли сговориться? Действительно, главный инженер Кузбасского завода Мише вежливо отказал: извините, не можем.

Пошёл тогда Миша в комитет комсомола. Говорит:

— У нас трактор «Кировец», степной богатырь. Рост три метра, длина семь метров с четвертью. Помогите, ребята.

Но ребята разводят перед Мишей руками: нет, не можем.

— Ну надо, понимаете? Надо, — говорит снова Миша. — Вы комсомольцы, и мы комсомольцы. У нас трактор «Кировец», степной богатырь. Рост три метра, длина семь метров с четвертью.

Задумались в комитете комсомола.

— Понимаешь, — говорят они Мише, — эти моторы мы делаем один-два раза в год. Серию выпустим, и всё. Потом на конвейере уже идут другие. И сейчас мы их как раз не выпускаем. Приезжай на следующий год.

— А сильно они отличаются от обычных? — спрашивает Миша.

Оказывается, отличаются они от обычных немного: вал у них длинней, с двумя свободными концами.

— Может, сделаете в виде исключения один с длинным валом? — просит Миша, не теряя надежды.

Подумали в комитете комсомола, позвали комсомольцев с конвейера.

— Как, — говорят, — не найдется ли у вас длинного вала?

— А что же, — говорят комсомольцы. — Это можно.

Так и договорились: Миша подождёт несколько дней, а тем временем комсомольцы подадут на конвейер вместо короткого вала другой, длинный.

— Только ты не опоздай к тому дню, когда он с конвейера сойдёт, — говорят они Мише, — а то будет шум!..

— Ладно, — обещает Миша. Но, как часто бывает, он не угадал, — пришёл на день позже. Мотор уже сделали. На заводе действительно начался шум.

Стали мотор упаковывать — он в упаковку не лезет. Отдел технического контроля всю упаковку вернул в столярный цех. Цех столярный обиделся, потому что ящики сделаны верно. Смерили ящики — и точно, что надо. Стали проверять мотор, а он необычный. Откуда такой получился мотор? Непонятно. Никто ничего не понимает и только.

И в этот момент появляется Миша опять на заводе.

— Вы ещё тут? — удивился главный инженер. — Я же вам всё сказал. Ничего не имею прибавить.

Всё же, надо признать, очень вежливый был человек.

— Понимаете, — говорит ему Миша, — слышал я, что у вас случайно собрали такой мотор, как нам надо. Отдайте его нам.

— Верно, — отвечает главный инженер, глядя с подозрением на Мишу. — Что-то мне об этом говорили. А откуда вы знаете?

— Да так, — говорит хитрый Миша. — Я случайно слышал.

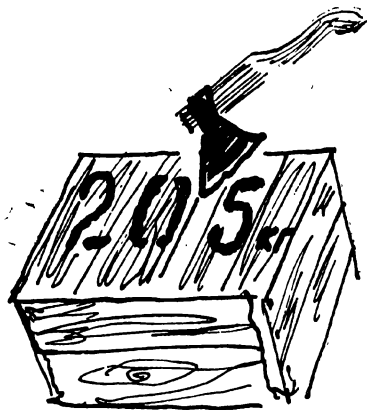
Главный инженер поглядел на Мишу с сомнением, но мотор ему дал.

ТОПОР И КВИТАНЦИЯ

ДУМАЕТЕ, это всё? Надо же ещё доставить в Ленинград. Весит он много — двести пять килограммов в упаковке. Такие грузы отправляют обычно малой скоростью. Значит, из Кузбасса придёт в Ленинград через пару месяцев. Это слишком долго.

Попробовал Миша его сдать в багаж.

— Только до двухсот килограммов, — говорит ему кладовщик. — А у вас двести пять.

Уж как он уговаривал кладовщика, Миша после никому не докладывал. Известно только, что тот взял топор, оторвал от упаковки две доски — с противоположных сторон — и тогда вес уменьшился, стал точно в норме. Положив топор, кладовщик взял квитанцию и багаж этот принял. Вот как много зависит от людей в наших людских делах.

ДИРЕКТОР ЕДЕТ НА ТЕЛЕГЕ. ДЕМОНСТРАЦИЯ

НАКОНЕЦ был выпущен первый «Кировец». К нему прицепили телегу, на телегу стал сам директор, и его повезли вслед за трактором мимо цехов.

Вскоре были готовы уже два новых трактора, и их решили пустить на демонстрацию в колонне завода.

Однако это довольно опасно. Трактор рассчитан на большие просторы. Он не видит ближнего, у себя под ногами, и может запросто наехать на свой же рабочий народ. Тогда порешили взять две длинные верёвки и нести всю дорогу вокруг тракторов.

Лучшие рабочие завода шли и, сменяясь, держали в руках эти почётные верёвки, ограждая огромные трактора от колонн. Так и проехали трактора весь длинный путь среди шумной демонстрации. И с трибуны им кричали «ура».

ТРЕТЬЯ ТРУДНОСТЬ — НАДО ВЫПУСКАТЬ

ТЕПЕРЬ, когда трактор сделали и опробовали, надо было начать его уже выпускать, то есть делать один за другим. Тут тоже встретились огромные трудности.

Надо было разместить по стране все заказы, то есть всё, что не может делать сам завод или что делать ему неразумно, получить с тех заводов, где оно выходит и дешевле и лучше.

Полстраны работает сейчас на этот трактор. Двигатель и шины делают ему в Ярославле. Рессоры — в Кременчуге. Все электроприборы — в Ленинграде. Стёкла присылает Москва.

Можно начертить хорошую карту, если рисовать пути его деталей.

Надо было наладить огромный конвейер, а для этого сильно перестроить завод.

Поначалу собирали трактора без конвейера, в тесных и так, и без трактора, цехах. Конструкторы особенно жаловались тогда на эту тесноту, так как им, конструкторам, было нелегко толпиться. Толпились же они возле первых тракторов постоянно, так что даже на каждого рабочего-сборщика приходилось по два-три конструктора. Потому что конструктор, он тоже грешен. Он смотрит, как трактор получается в сборке, и тут же исправляет свои бухгалтерские ошибки.

Например, если части собирают кувалдой, то есть лупят по ним, чтобы вставить друг в друга, — ясно, что тут в чертежах есть неточность.

Наконец, нужны были рабочие для нового трактора.

В Ленинграде кинули клич. Звали всех, кто захочет, перейти на Кировский.

ГЛАВНЫЙ ТРАКТОРНЫЙ КОНВЕЙЕР

ЭТО ЦЕХ, где собирают трактора из деталей. А ещё называют его шутя дворцом съездов, потому что здание у цеха такое современное, что современнее и быть не может. Потому что оно со своими стеклянными стенами выросло среди старого Путиловского, словно Дворец съездов посреди старинного Кремля.

Посредине цеха, в его бетонном полу, вставлена лента деревянного пола, шириной метра три. Это и есть сам конвейер.

Пол разрезан поперёк на куски, на огромные планки. На одних этих планках — подставки, куда кладётся тракторная рама. В других, промежуточных, планках — углубления человеку по пояс, чтобы сборщик мог работать под трактором.

Каждые полчаса, по звонку, пол приходит в движение. Конвейер переходит на позицию вперёд. А пол, эта лента, дойдя до конца, разломится на части и уйдёт вниз, под землю. Там повернётся и пойдёт себе назад сама под собой, чтобы вынырнуть снова к началу конвейера. Длина этого конвейера четверть километра. Лента же, выходит, больше полкилометра, так как сложена вдвое.

В начале конвейера раму кладут на подставки, а на следующих позициях её постепенно одевают в железо, чтобы на ней, на раме, вырос трактор. Надеть на неё надо много — около двенадцати тонн разных деталей. Есть такие, что их поднимают лишь краном.

Звенит звонок. Лента переходит вперёд. И сразу ко всем её тридцати двум позициям устремляются люди, подъезжают краны и тележки с деталями.

Ставят на раму передний мост.

Ставят задний мост, карданный вал, коробку передач, кожух, двигатель, радиатор, кабину, крылья, колеса и баки.

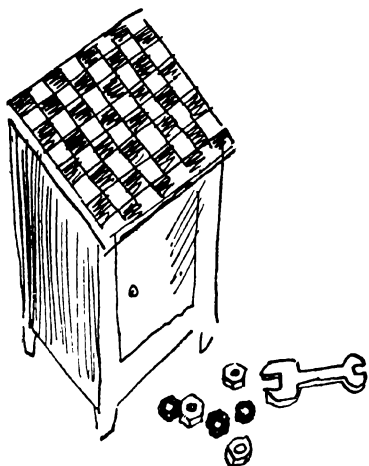
Рама постепенно становится похожа на трактор.

СВЕЖИЕ ШАШКИ ИЗ ТРАКТОРА

ТОЛЬКО раздался звонок на обед — и движение на конвейере враз перестало.

Многие забрались в кабины для трактора, которые стоят, дожидаясь, пока их поставят. В кабине достают принесённые завтраки или уже ворошат домино.

А другие спешно расставляют на тумбочке шашки, собираясь потратить на них весь обед. Но что это? Где же доска? Нет доски. На рабочей тумбочке доска просто вырезана. Эту доску нигде не забудешь.

Её не засунешь никуда, чтобы после искать. Она и есть — и её вроде нет. А где же шашки? Нет шашек. Тут играют в них гайками: чёрные гайки — это чёрные шашки; чистые, обработанные гайки — это шашки, как вы понимаете, белые.

— Что же, настоящих, что ли, нету? — спрашиваю я.

— А зачем настоящие? — отвечают мне игроки, улыбаясь. — Это наши, тракторные, чтобы мы не забывали, где работаем. И опять же — всегда под рукой: эти навинтим, так будут другие.

Всегда в большом выборе свежие шашки!

И ТРАКТОР ЕДЕТ В ПОЛЕ

В КОНЦЕ конвейера заводят готовые трактора. Их пробуют, прежде чем отпустят с конвейера. Над ними специальный, из жести, колпак, от которого идет вентиляция — чтобы выхлопные газы из мотора не отравляли рабочим воздух в цехе.

На последней позиции в трактор садится мальчишка. Лет ему, наверно, шестнадцать, не больше. Он заводит мотор, ждёт, пока раздастся звонок, и, когда конвейер двинется, он тихонько съезжает на тракторе на пол.

Тут осмотрит трактор ОТК — и готово! Можно отправляться с завода в поля.

НЕ ТАКОЙ УЖ ОН ЖЕЛЕЗНЫЙ

ЭТО сложная машина. Чтобы только работать на ней, надо изучить руководство — печатную книгу в двести тридцать страниц, что бесплатно прилагается к каждому трактору. Вот какой сложный получился этот трактор.

Чем сложнее машина, тем она должна быть надёжней, а не то её в поле ни за что не починишь. И вот оказалось, что, хотя трактор с виду и прочный, не такой уж он в сущности железный. Он может ломаться, если вдруг недоглядеть. За ним нужен сложный, кропотливый уход — де-

сятки смазок, ежедневных осмотров, регулярная замена многих деталей, чтоб они неожиданно не вышли из строя.

Третью рабочего времени уйдёт на него самого. Это плохо.

ЖЕСТОКИЕ ТРАКТОРНЫЕ ИСПЫТАТЕЛИ

УЛУЧШИТЬ трактор помогают специальные люди завода — испытатели. Они доводят машину, как они говорят, «до ума». Для этого они изучают её в работе и советуют, что надо в ней переделать.

На заводе есть целый испытательный отдел. Там работает много инженеров, в основном молодых и отчаянных испытателей. Они знают трактор назубок. Могут разобрать его и собрать в том же порядке. Они лихо водят его — даже прыгают на тракторе с трамплина.

Это суровые, это жестокие люди — испытатели. Может показаться, что трактор они не жалеют.

Вот они поднимают трактор краном. Подняли:

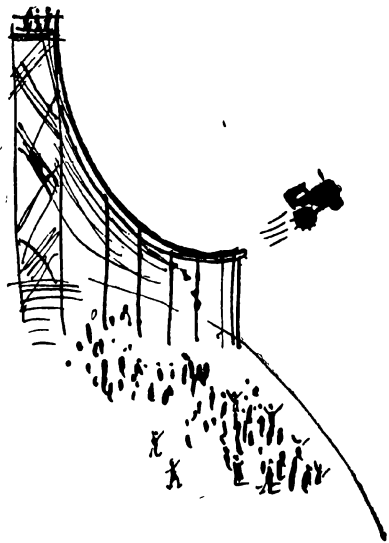
— Бросай!

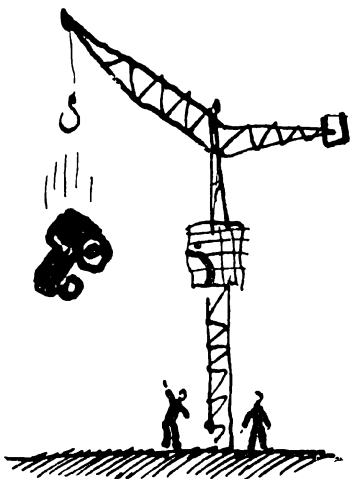
Что они делают? Он же сломается! Трактор — это им не человек, который может прыгнуть со второго этажа и даже иногда не разбиться. Но кран безжалостно бросает трактор на твёрдую землю. Испытатели с наслаждением смотрят на него, как он прыгает, постепенно затихая.

Они делают специальную плохую дорогу, с ухабами, с лужами и трамплинами. Они садятся на трактор и гоняют его по этой дороге кругами. День гоняют. Ночь гоняют. Ещё день и ночь. Устают. Даже сами они не выдерживают этой дороги.

— Ну ничего! — говорят они злорадно. И делают управление с расстояния.

Они берут у трактора раму и кладут её на вибростенд. Они часами трясут её на вибростенде, покамест где-то не появится

трещина, — а когда появится, так они просто счастливы.

— Есть! — кричат они. — Ну что, голубушка, треснула?

И всё потому, что они трактор любят.

НЕПРЕСТАННЫЕ УЛУЧШЕНИЯ. И ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ этих испытаний они выясняют, что трактор, оказывается, пока еще не совсем замечательный.

Иногда он делает рывки на поворотах. Это плохо. Греются некоторые части — а это им не полезно. Были случаи, когда заведённый трактор вдруг поехал сам, без тракториста. Ну зачем это нужно?

Конструкторы стараются это исправить.

Трактор новый, многие детали не изучены. Как они будут работать? Когда их менять? Когда менять масла, как часто надо делать осмотры? Всё это надобно выяснить точно.

Тракторист проводит в кабине иногда целый день. Должно быть трактористу удобно? Конечно. Он тогда сумеет и лучше пахать. Смотрят, где лучше поставить прибор, щиток или рычаг, чтобы до него было легко дотянуться.

Тракториста не должно трясти и бросать — и вот испытания на комфорт езды, на плавность хода. Чтобы тракториста не могло раскачать и немного стукнуть головой о твёрдую крышу.

Трактористу не должно быть холодно. Изучают отопление кабины. Выезжают с трактором на крайний, морозный север.

Трактористу не должно быть жарко. Как это сделать? Выезжают в южные края, жарят трактор на солнце. Измеряют. Солнце даёт столько-то калорий в час. Мотор добавляет столько-то. И сам тракторист выделяет тепло.

Может быть, открыть окно? Полетит в окно горячий ветер. Убрать тракториста нельзя, — значит, надо убрать, уменьшить горячее солнце. Красят трактор в белый цвет. Делают над кабиной фальшивую крышу.

Солнце полностью убрать нельзя, — значит, надо уменьшить тепло от мотора. Кладут между ним и кабиной прокладку.

И так далее.

Нет конца испытаниям. Нет конца улучшениям. Каждое улучшение изменяет чертеж. Вслед за этим меняется производство, конвейер.

Вот какая сложная история — и с одним только трактором.

Великан и мышь

Тсс! Тихо! Слушайте, ребята!
Жил великан один когда-то.
Во сне вздохнул он что есть сил
И мышь — живую — проглотил.
Бедняга побежал к врачу:
— Я мышку съел! Нет, не шучу!
Помилуйте, какие шутки!
Она пищит в моем желудке! —
Был врач умнейший человек.
Он строго глянул из-под век:
— Откройте рот. Скажите «а».
Живую мышь? Зачем? Когда?
Сейчас? Так что же вы сидите?
Идите кошку проглотите!

Иосиф Гуггенмос

Из стекла

*Какой мне сон приснился
 странный —
Я с головы до ног стеклянный!
Когда иду я прогуляться, —
В меня прохожие глядят.
Все просто лезут друг на друга,
Чтоб видеть сквозь меня друг
 друга.
Все кажутся друг другу
 мрачными —
Все тоже быть хотят
 прозрачными!
Вдруг кто-то — дзинь! — толкнул
 меня;
Я навзничь падаю, звеня.
Осколков от меня —
 не счесть...
Нет, лучше быть, какой я есть!*

Джеймс Крюсс

Муравьишкины детишки

— Ну, как ваши дети живут,
муравьишки?
Проворно ли бегают ваши
детишки?
Легко ль они скачут
наперегонки?
А может быть, их обгоняют
жуки?
Даёт им шлепка муравьиная
мама? —
Послушай, дружок, я скажу тебе
прямо:
Кто скажет, что этих детишек
он знает,
Тот лгун.
И хвастун!
Ибо их не бывает!
Вовек муравьи не бывали
подростками,
Постольку, поскольку рождаются
взрослыми.

Король-солнце

Король Людовик-Солнце,
Известный в старину,
Когда смотрел в оконце —
Сиял на всю страну.
В руках кусочка мыла
Он сроду не держал;
Но в золоте ходил он
И пудру обожал.
В таком шикарном виде
Вступал он на паркет —
Наполовину виден,

Наполовину нет:
Ведь все, кто были ближе
(И в этом весь вопрос!),
Пред ним склонялись ниже
И зажимали нос.
Как солнце над долиной,
Он двигался, светясь,
Была тому причиной
Лоснящаяся грязь!

Перевел с немецкого Ю. КОРЕНЕЦ

П О В Е С Т Ь

ПИРАМИДА ХЕОПСА

На другой день, во время урока географии, в класс заглянула уборщица тётя Маша. У ноги, ручкой вниз, она держала швабру.

— Шапранова к директору.

Голос у тётя Маши прозвучал так, словно Дениса уже приговорили по крайней мере к смертной казни. Тётя Маша не любила, когда вызывали к директору.

— На ковёр голубчика, — злорадно проговорил в спину Тимка Стебельков.

Через открытые фрамуги окон в пустой коридор вры-

вался сырой ветер. Кленовый лист прилип к мокрому стеклу и смотрел на Дениса растопыренной жёлтой пятернёй. За дверьми классов, приглушённо гудели голоса. В классах как ни в чём не бывало шли уроки.

Денис знал, что если директор станет на него кричать, то он ему тоже ничего не расскажет. Пускай лучше переводят в другую школу. И папа с мамой его поймут. Они тоже не любят, когда кричат.

Директорский стол покрывало толстое стекло. На стекле стояли календарь и лампа. В шкафу, за директорской спиной, пестрели разноцветными корешками книги. Над ними замер в «пушечном» ударе бронзовый футболист.

Отодвинувшись от стола, директор выдвинул ящик и стопочкой положил на стекло золотые монеты:

— Эти?

— Откуда я знаю? — удивился Денис. — Я их и не видел никогда.

— Гошина мама принесла, — пояснил директор. — Петя-то Прочухан оказался самым разумным из вас. Он живо догадался, чьих это рук дело, и вчера после сбора сразу помчался к Гошиным родителям. Также мне следопыты-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9 за 1965 г.

конспираторы. А ты на сборе, коли уж начал, нужно было всё до конца говорить. Пионеры бы разобрались, что к чему.

Он встал, прошёлся по кабинету, щёлкнул по бронзовой коленке футболиста:

— Кто такой этот ваш дружок из Лисьего Носа?

— Яшка Лещ? Мы с ним и не дружим. Просто случайно встретились.

— Кто у него родители, не знаешь?

— Говорил, что отец — директор завода.

— А золото у него откуда, не говорил?

— Про золото не говорил.

— Если он придёт за монетами, присылайте его ко мне. А теперь беги на урок, председатель.

И когда Денис уже взялся за ручку двери, директор добавил:

— С Гошей вы там не очень... А то я вас знаю.

Но с Гошей ребята поступили очень даже благородно. Сначала, правда, ему всем классом хотели устроить «тёмную» — накрыть в раздевалке пальто и как следует ему выдать. Но Денис сказал:

— Это не метод. И потом лично я руки о него марать не собираюсь.

И все согласились, что марать руки о такого типа действительно нет никакого удовольствия.

Оля при всех положила на Гошин дневник рубль и выдавила:

— Возьми. Я не знала, что ты такой.

Она собрала свои учебники и пересела от Гоши на другую парту. Только подбородок у неё немного дрожал и часто хлопали ресницы. И все молча отметили, что Оля — мужественный человек. Не так-то легко при всём классе признаться в том, о чем 7-й «б» уже давно догадывался. И поэтому ни один мальчишка не сказал ни слова. Даже Тимка Стебельков, который по любому поводу любил орать «тили-тили тесто, жених и невеста», ничего не заорал.

В классе наступила тишина. И тогда подал голос Петя.

— Братцы! — завопил он. — Сейчас ведь геометрия, а у меня задачка не сделана. Будьте сознательными, братцы, дайте скатать.

Гоша молча протянул ему тетрадку. Но Петя посмотрел на него так удивлённо, точно это была не тетрадка, а какая-нибудь немислимая кошка с двумя хвостами.

— Между прочим, — сказал Петя, — самая большая гробница в мире — пирамида египетского фараона Хеопса.

Гошина тетрадь повисла в воздухе. А Петя отвернулся и снова завопил:

— Братцы и сёстры, будьте сознательными! Не доводите до смертоубийства. Не нужно всем вместе. Давайте по очереди.

Задачку он всё же скатал. А к Гоше стали относиться так, будто ученик Гоша Бобрик начисто умер и на месте, где он сидел, воздвигли египетскую пирамиду. Если пира-

мида себя как-то проявляла, то на неё смотрели с удивлением и любопытством. В неё не стреляли из трубок жеваными промокашками и не всаживали бумажных пуль из резинок, её не толкали и не задавали ей вопросов. О ней говорили: «Посторонись, Пирамида идёт».

Гошина мама прибежала в школу и устроила директору скандал. Она кричала, что не позволит травить ребёнка и калечить его психику.

— Он нервный и впечатлительный мальчик, — волновалась мама. — Его довели до того, что вчера ночью ему приснилось, будто он египетский фараон. Мальчик кричал во сне. Господи, это же можно сойти с ума. Бедный ребёнок попал в компанию каких-то головорезов.

Бедному ребёнку действительно было не сладко. Он приходил в школу растерянный и сникший. На его красивых губах блуждала заискивающая улыбка. Больше всего ему хотелось, чтобы кто-ни-

будь, хотя бы случайно, попал в его затылок из резинки. Но бумажные пульки проносились мимо и щёлкали по головам кого угодно, только не Пирамиду.

А Оля ходила замкнутой и строгой. Она твёрдо знала, что больше никогда в жизни никому не поверит и не возьмёт в рот мороженого. Её даже

чуть поташнивало, когда она вспоминала приторно-сладкий вкус мороженого. И ещё в глаза ей упрямо лезли те два портфеля, что стояли тогда у стены в кафе, положив ручку на ручку.

Дома Оля залезла в кладовку и разыскала свой старый потрескавшийся портфель. Она ходила с ним в школу до шестого класса. В шестом папа подарил ей новый. Но и старый был ещё не такой уж потрепанный.

— Папа, — спросила она, — как ты думаешь, с таким портфелем ходить не стыдно?

— А новый? — удивился Аркадий Иванович.

— Новый я потеряла, — грусто краснея, ответила Оля.

Но она не потеряла его. Маленькая птичка с белым хохлом на голове могла бы рассказать, куда он делся. Птичка сидела на кусте боярышника в Удельнинском парке, когда на берегу заросшего пруда появилась девочка. Она открыла портфель, в котором лежала толстая книга, набила портфель камнями и бросила его в пруд. Птичка взмахнула крыльями и улетела. По зелёной воде кругами пошли волны. Удивлённые лягушки ничего не поняли и всполошились. Они долго переквакивались, соображая, что могла забросить в их тихий пруд девочка с косою.

Самая смелая лягушка даже нырнула на дно. Только лягушки всё равно не узнали, что отныне в их пруду, между большим камнем и полусгнив-

шей корягой лежит роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина», который начинается словами: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Ведь лягушки не умеют открывать замки на портфелях.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

В субботу папа пришёл с работы рано и после ужина спросил:

— Мать, как себя Дениска вёл?

— Ничего, — сказала мама. — Только настроение у него последнее время какое-то кислое.

— Да ну? — удивился папа. — С чего бы это? А я и не замечал. Может, ему полезно будет на весёлый спектакль сходить? У меня как раз где-то тут билеты на завтра в ТЮЗ завалялись.

Папа стал хлопать себя по карманам, словно потерял спички.

— Не ищи, — насупился Денис. — Я всё равно не пойду.

Папа посмотрел на маму и почесал подбородок.

— Вот те раз, — сказал он. — Ну, если, конечно, ты очень занят...

— Не занят я, — пробормотал Денис. — Всё значительно серьёзней. Не заслужил я по театрам ходить.

Папа с мамой сделали удивлённые глаза. А Денис достал дневник и протянул его родителям. Он протянул его так,

как протягивают врачу руку для укола.

— Не может быть, — произнёс папа.

Какое у папы стало лицо, когда он открыл дневник, Денис не видел. Денис не любил смотреть, как доктор готовит для укола шприц. Он ждал, когда папа начнёт говорить всякие «приятные» вещи. Например, папа мог сказать: «Умница, сына, я бы на твоём месте по литературе вообще выше двоек не получал. Что это за предмет, литература?»

Денис был готов ко всему. Он внимательно изучал рисунок на обоях и ждал. В ванной на разные голоса противно завывали трубы. По обоям прыгали зелёные кружки и треугольники.

«У-у-у!» — басом завопила труба, будто у неё вырвали зуб.

— Ты считаешь, что с двойкой по литературе идти в театр нельзя? — спросил папа.

— Дело вовсе не в двойке, — буркнул Денис. — Я её уже исправил. Дело в том, что у меня не хватило мужества сказать о ней сразу.

— Относительно мужества согласен, — сказал папа. — Но будем считать, что это дело наживное. Относительно двойки у меня мнение другое. Если человек плохо знает литературу, он должен чаще ходить в театры. Он должен прямо не вылезать из театров.

— Коля, — попросила мама, — не валяйся в новых брюках, ты их помнешь.

«У-у-у!» — завопила труба в ванной.

— Не помну, — сказал папа. — Дай мне с человеком поговорить.

— Разговаривать можно и сидя, — заметила мама. — Глазеть брюки приходится мне, а не тебе.

— Это поклёп, — сказал папа. — Три дня назад я гладил их сам.

— Только потому, — улыбнулась мама, — что в нашей семье была образцовая неделя.

Денис с удивлением посмотрел на маму. Мама улыбалась.

— Твой папа, — сказала она, — может вытянуть из человека все жилы. А сам он, когда был на втором курсе института и познакомился со мной, путал не только Гринёва с Дубровским, но даже трамвай с пароходом.

— Клевета, — обиделся папа, — такого не было.

Ни об образцовой неделе, ни о Гринёве Денис дома и не заикался. А они уже откуда-то всё узнали.

— Тайны хранить умеешь? — подмигнул с дивана папа. — А я, брат, совершенно не умею. Один товарищ просил не выдавать его, но где тут утерпишь. В общем, понимаешь, возвращаюсь домой. Останавливает меня гражданин, примерно твоего возраста. Только высокий такой и с ушами. Можно, спрашивает, получить у вас юридическую консультацию? Приглашаю его с собой. Не идёт. При-

шлось консультировать под дождём, стоя в луже у железной дороги. Он счёл это место самым подходящим. Консультировал, собственно, не я его, а он меня. А потом, дождавшись, когда я промок до мозгов, он, как заводной, стал задавать мне один и тот же вопрос: с юридической точки зрения, имел ли право учитель вкатить тебе двойку или не имел? Я сказал, что это вопрос слишком сложный и мне необходимо заглянуть в Уголовный кодекс. Но он прицепился, как липучка, требовал немедленного ответа и размахивал у меня под носом кулаками. Я сделал вид, что совершенно его не испугался. Я сказал, что если человек путает Гринёва с Дубровским, то, с юридической точки зрения, двойку ему можно «вкатить» вполне законно. Тогда этот гражданин нагло заявил, что наш Уголовный кодекс устарел и, даже не поблагодарив за консультацию, растаял в темноте. А я побежал домой сушиться. Из брюк получилась мочалка. Мама заставила меня их гладить. Я их гладил совершенно самостоятельно. А теперь она говорит, что я вытягиваю из людей жилы. Помоему, это несправедливо. Как ты думаешь?

— И здесь он поспел, — проговорил Денис. — Ведь он и к Гошенькиной маме ходил, и к директору.

— Кто?

— Да этот самый гражданин с ушами.

— Его Петей зовут?

— Петей.

— Мне почему-то показалось, что он неплохой товарищ, — сказал папа.

— Он не товарищ, — ответил Денис. — Он друг. Настоящий.

— А со вторым гражданином вы как поступили?

— С Гошенькой-то с этим? Да никак. Плюнули на него, и всё.

— Высадили, значит? — уточнил папа.

Денис не понял.

— Правильно, — пояснил папа, — так его. Что с ним церемониться. Высадили, и с плеч долой. Пускай остаётся, мы дальше без него поедem.

— Куда поедем? — удивился Денис.

— В коммунизм, — строго сказал папа. — Дорога в коммунизм, сына, это ведь не дальневосточный экспресс. По пути тут никого не высадишь. Всех с собой забирать придётся — и Гошу вашего и других не совсем хороших людей. А если бы с высаживанием, то это проще простого. И возить не нужно. Чуть что, плюнул на него, и точка. Вылезай, дескать, нам не по дороге.

Папа замолчал. Глаза у него стали жёсткими. Про брюки ему мама больше не напоминала.

«А ЕСЛИ БЫ В КОСМОС?»

Первым возмущённо отозвался Петя.

— Да чтобы я? — разогнался он и не закончил, словно споткнулся.

У Анки презрительно сморщились губы.

— Очень нужно, — сказала она.

Только Оля ничего не сказала. Она удивлённо посмотрела на Дениса и опустила голову.

Ребята сидели под дубом. Со старого дерева тихо падали узкие, с волнистыми краями, листочки.

— Что же ему теперь, высаживаться, да? — спросил Денис.

— Конечно, — подтвердила Анка.

Петя отгрыз кусочек ногтя, осторожно выплюнул его и сказал:

— Я ему даже могу коленкой помочь.

— Коленкой! — передразнил Денис. — Как вы не поймёте, что человека нельзя посадить на полпути. Это вам не дальневосточный экспресс.

— Почему нельзя? — хмыкнула Анка. — Это Пирамиду то нельзя? Ещё как можно.

— Как миленького, — подхватил Петя.

О том, что людей нужно воспитывать и перевоспитывать, ребята слышали много. И они готовы были воспитывать кого угодно, только не Пирамиду. Уж больно противно подходить к нему, разговаривать, подавать руку. Нет уж, как выражается Петя, бог подаст.

— Знаете, — сказала Анка, — что я дома устроила? Прямо смех один. Рассказать?

— Давай, — обрадовался Петя.

— Да погодите вы, — перебил Денис. — Мы зачем сюда собрались? Правда ведь, ребята, вы подумайте: нам вместе с ним ещё четыре года учиться. Вот вы представьте, что мы экипаж космического корабля. И мы летим на далёкую планету. Нам ещё четыре года лететь. А он вдруг такой оказался. И мы решаем, как с ним поступить. Что, откроем люк и вытолкнем за борт?

— Сравнил тоже! — удивился Петя. — Мы бы такого и не взяли.

— Не взяли! А кто его первый притащил сюда в чижика играть? Может, я? А теперь за борт? Да?

— Ты это не путай! — вскрипел Петя. — Мы не в космос летели. Если бы в космос...

— Ну, а если бы в космос?

Петя не ответил. Он замолчал и стал чесать правым плечом ухо.

— Знаете, — сказала Анка, — а ведь Денис, пожалуй, прав. Высадить Пирамиду и вправду проще всего.

— Ну? — победно спросил Денис.

Но Оля только ещё ниже опустила голову, а Петя неопределённо пожал плечами.

Войдя на следующий день в класс, Денис сел рядом с Гошей, на бывшее Олино место.

— Первый — история? — спросил он, засовывая портфель в парту.

Гоша растерялся.

— История, — пролепетал он.

Тут Гоше залепили в затылок из резинки. Гоша обалдело оглянулся.

— Привет Пирамиде! — крикнул Петя.

— Здравствуй, — сказал Гоша и попытался улыбнуться.

Улыбка у него получилась кислая. Гоша решил, что после уроков его будут бить. Раз начали разговаривать, значит без шишек не обойтись.

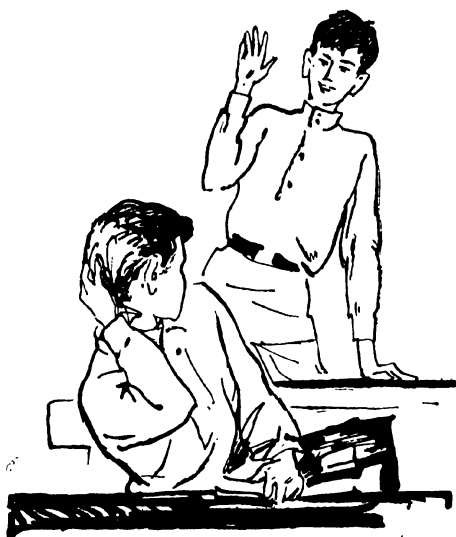
Но после уроков Гошу бить не стали, даже пригласили играть в футбол. Гоше очень хотелось поиграть, но он отказался. Боялся, что увидит мама.

И на другой день Гошу бить не стали, и через день тоже. Словно совсем забыли про злополучную коробочку.

Но, как ни странно, от наступившего перемирия Гоше легче не стало. Почему так получилось с этими монетами? Потому, что не послушал маму. Мама запретила ему ходить в парк и связываться с уличными мальчишками, а он и в парк пошёл и с мальчишками связался.

После того как к ним поздно вечером появился Петя и обо всём рассказал, мама на другое же утро отнесла монеты в школу. А потом три дня лежала с мигренью. Она строго-настрого потребовала от Гоши порвать всякие отношения со своими друзьями.

— Господи, — стонала с кровати мама, — я всегда говорила, что эти знакомства до добра не доведут. Рано или поздно, дурное влияние улицы всегда скажется. Запомни: если я ещё хоть раз увижу тебя с этими бандитами, то не переживу этого. Так и знай. По-

жалуйста, можешь загонять свою мать в гроб. Посмотрю, как вы с отцом проживёте без меня.

Можно было бы, конечно, спросить у мамы, как это она собирается смотреть за Гошей и папой из гроба, если крышку всегда заколачивают гвоздями. Но Гоша не привык грубить родителям. И потом, у него было такое настроение, что впору самому забраться под эту крышку, чтобы никого не видеть и не слышать.

Не разговаривали с ним ребята — было плохо. А теперь сами лезут — тоже не лучше. Того и гляди, мама узнает, что он так и не порвал со своими дружками.

«В ВАШУ ЧЕСТЬ, ГРАФИНЯ!»

Что может быть интереснее игры в футбол! Даже Денис со своей силой воли, как начнёт играть, так не может оторваться до тех пор, пока совсем не стемнеет.

Перед домом, на месте болота, строители разбили площадку с газонами. Площадку засыпали битым кирпичом и крупным песком. Правда, после дождей на площадке остались лужи, которые не хотят просыхать. Но разве для настоящих футболистов помеха какие-то лужи?

Больше всех достаётся Петя. Он хоть и с перчатками стоит в воротах, но перчатки не очень помогают. Другие ребята тоже, конечно, грязные и мокрые, но Петя к концу игры становится таким, словно его

брали за шиворот и специально окунали в болото.

— Бенц! — вопит Тимка Стебельков, который играет против команды Дениса. — Штука!!

Но он вопит зря. До штуки ещё далеко. Жирный мяч сочно шмякает в Петину грудь. Петя обнимает мяч так, словно дороже этого мяча нет ничего на свете. Вместе с мячом он катится в сторону от ворот. Важно не только взять мяч, но ещё и красиво упасть. Кто не умеет красиво падать, тот не вратарь.

— Мазила! — орёт Петя этому самому Тимке, который всегда хвастает раньше времени.

Мяч снова взлетает в воздух. Петя посылает от ворот свободный удар.

— Сюда!
— Пас!
— Держи!
— Бенц!

Бенц! — это опять крикнул Тимка, хотя по воротам бил не он.

— Мазила! — взревел Петя и, распластавшись в великолепном прыжке, шлёпнулся на землю.

— Штука!!! — завопил Тимка, и вся его команда подхватила победный вопль, прыгая и размахивая руками, как индейцы в пампасах.

Пролежав в скрюченном положении столько, сколько положено лежать на земле уважающему себя вратарю, Петя поднялся и пошёл за мячом.

А мальчишка, забивший гол, не спеша прошёл к центру

поля и приветствовал орущих индейцев гордым помахиванием руки. Только тут Денис узнал Яшку и бросился к нему.

— Давай отсюда! — приказал Денис.

— Фу-ты ну-ты, — улыбнулся Яшка, округлив зелёные глаза. — В гости звали?

— Давай, — повторил Денис. — Из-за тебя тут знаешь какая каша заварилась.

— Каша? — спросил Яшка и повёл приплюснутым носом, будто принимавался. — Какая каша? Гречневая?

Их окружили ребята.

— Ты не прикидывайся, — сказал Денис. — Говорят — уходи, значит, уходи.

— Чего ты к человеку пристал? — удивился Тимка. — Он же за нас играет.

— А почему за вас? — протиснулся вперёд Петя. — Это же Яшка Леш, наш игрок. Это мы его приглашали.

Яшка протянул к лицу Дениса вытянутую ладонку:

— Видишь, приглашали.

— А ты тоже! — схватил его за плечо Петя. — Приглашали тебя мы, а ты против нас.

— Я всегда за слабых, — объяснил Яшка.

— Это мы-то слабые? — хмыкнул Тимка. — Мы и без тебя им шесть щтук насобачили.

— Не в этом дело, — сказал Денис. — Пускай всё равно уходит.

— Почему — уходит?! — закричали ребята. — Чего ты здесь распоряжаешься? Играй, Яшка.

— Вó, — улыбнулся Яшка и снова сунул в нос Денису ладонку.

Денис бы, конечно, всё равно настоял на своём или забрал бы свой мяч и ушёл. Но спорный вопрос решила одна фраза, которую Петя шепнул Денису на ухо.

— А что, — шепнул Петя, — он пускай высаживается?

Денис нахмурился и процедил:

— Ладно, пусть играет.

— С нами! — заорал Петя.

Яшка всаживал в ворота противника мяч за мячом. К нему не могли приспособиться, — он бил левой. Никто из ребят не умел бить левой, а он бил. И это нарушало стройность защиты.

В это время Анка сидела в гостях у Оли и разговаривала с ней о вещах весьма далёких от футбола.

— Помиришь ты с ним, — говорила Анка. — Чего тебе сто́бит? Ведь его воспитывать нужно, а не высаживать.

Но Оля будто не слышала. Она уже несколько раз просила Анку не заводить разговор на эту тему. Но Анка всё равно их заводила. И теперь Оля избрала другую тактику.

— Понимаешь, — объясняла Оля, — вот такая пелеринка, а здесь белый кантик. Очень красиво. Можно еще вытачку сделать.

— Пас! — неслось в открытую форточку. — Куда даёшь, шляпа?!

— Гол! — истошно завопил другой голос.

«Бум! Бум!» — раздавались глухие удары по мячу.

— Всё равно нам без тебя не справиться, — убеждала Анка.

— И ещё можно вот такую кокетку, — продолжала своё Оля. — Я одну женщину видела, прямо удивительно, как красиво.

Анка вздохнула и подошла к окну.

— Посмотри, кто пришёл, — удивилась она и бросилась к двери. — Ну я сейчас ему выдам!

Яшка, конечно, сразу разглядел Анку своим хитрым зелёным глазом. Он стал ещё громче кричать «шляпа» и совершенно неожиданно для вратаря тридцать второй гол всадил правой ногой.

— В вашу честь, графиня, — устало сказал он, подходя к Анке.

По его лицу грязными струйками стекал пот. На гордо вздёрнутом носу раздувались вывернутые ноздри.

Анка собиралась накричать

на него, но вдруг, сама не зная почему, печально сказала:

— Врун ты, Яшка, бесовестный и нехороший.

— Точно, — мгновенно согласился он, — врун. Я ни одного слова правды не могу сказать. Я и сейчас тоже вру, что я врун.

Губы у Анки сами полезли до ушей, открывая в зубах ровную дырочку.

— А ты, может, думаешь, что ты не врун? — сказала она и, повернувшись к Яшке спиной, пошла со двора.

Он покорно плёлся за ней и вытирал о штаны грязные руки.

— Почему думаю? Ничего я не думаю, — говорил он Анке в спину. — У меня просто фантазия такая. Врун — это который обманывает, чтобы выгоду иметь. А я без выгоды. Если мамка про отметки спрашивает, то я всегда правду говорю. Двойка так двойка. Я не боюсь, пускай дерут.

— Тебя бьют, что ли?

— Бывает.

— Отец?

— Нету у меня отца.

Анка обернулась:

— Ты же говорил, что он директор завода.

— Ну и что? Я же без выгоды, просто чтобы вы не задавались.

Он шёл на шаг сзади Анки и говорил так откровенно, как не говорил ещё никогда в жизни. И Анка почувствовала это и уже не хотела его ругать. Она шла по тропинке в глубь парка и нагибалась, собирая в букет яркие листья. Рыжий

букет горел закатными красками.

Глаза у Яшки вдруг потухли и стали серыми.

— У всех есть отцы, — проговорил он, — а у меня его вообще никогда не было.

— Так не бывает, — сказала Анка.

— Бывает. Только если я тебе про это расскажу, ты и разговаривать со мной не станешь.

— Я не разговариваю, если врут.

— Ладно, — засопел Яшка, — я бы мог и не говорить, но я расскажу. Только тебе одной. Про это никто не знает.

— Тайна? — шёпотом спросила Анка.

— Тайна, — подтвердил он.

— Тогда лучше не говори, а то я проболтаться могу. Мы, девчонки, болтливые очень.

— Это точно, — вздохнул Яшка, которому нестерпимо захотелось сейчас же поведать свою тайну.

Они вышли на полянку к старому дубу. Маленький лимонного цвета осинový листочек медленно плыл из густо-синего неба. Анка подставила ладонь. Листок нежно опустился к Анке на руку и закачал хвостиком.

— Яш, а про тюрьму ты наврал?

— Нё, нафантазировал.

— И про то, как деньги делаются?

— Про деньги тоже.

— А откуда у тебя золотые монеты?

— Я тебе после расскажу.

— Яш.

— Что?

— У тебя уши очень грязные.

— Я вымою.

— Ты приезжай ещё.

— Приеду.

Он не попрощался. Просто поглядел на Анку, повернулся и отправился напрямик через парк к станции.

А Анка долго смотрела ему вслед, спрятав подбородок в рыжие, пахнущие осенью листья.

«МЫ ТЕБЯ НЕ БРОСИМ»

До появления Яшки гоняли в футбол хоть бы что. А как он ушёл, так игра скисла. Мальчишки покосились на Анку, которая его увела, но ничего не сказали, даже в кулаки не фыркнули.

Денис забрал мокрый мяч и сел на скамейку рядом с Гошей. Он решил, что пора непосредственно приступить к Гошиному воспитанию. И Петя тоже сел рядом с Гошей, но с другой стороны.

Гоше сразу стало тоскливо. Во дворе уже сгущались сумерки, и в окнах квартир зажигались огни. Он пожалел, что вовремя не ушел домой, и спросил:

— Чего вам?

— Ничего, — сказал Денис, — просто так. Поговорить нужно.

— Поговорим, и всё, — добавил с другого бока Петя.

Лицо у Пети было такое грязное, что на нем не осталось ни одного живого места, только зубы блестели да белки глаз.

Денис тронул Гошу локтем:

— Идём, а то тут люди.

— Поднимайся, — подтолкнул Гошу с другого бока Петя.

— А бить не будете? — напустился Гоша.

— Зачем бить? — сказал Денис. — Поговорим просто.

— В воспитательных целях, — добавил Петя.

Они провели его через несколько дворов к пустырю, где закладывался новый дом. Молча уселись на бетонной балке.

— Вот что, — начал Денис, — ты не думай, что мы тебя бросим. Мы тебя бросать не собираемся.

— Куда бросать? — захопал глазами Гоша и посмотрел в глубокий котлован, где чёрным зеркалом застыла холодная вода. В воде слабыми точками мигали и покачивались первые звёзды.

— Да никуда не будем бросать, — успокоил Денис. — Ты должен понять, что ты наш. Поэтому мы тебя не оставим и будем перевоспитывать.

— Общими силами, — добавил Петя.

Гоша не любил, когда его воспитывали и, тем более, перевоспитывали. Ему и так хватало всяких воспитателей. Но он спорить не стал. Он смотрел в чёрную воду и шмыгал носом. Как тут порвёшь с этими дружками, когда они сами лезут?

— Ты в основном хороший, — говорил Денис. — У всех людей хорошего больше, чем плохого. Главное — развить в себе это хорошее, а плохое уничтожить. А если рядом нет настоящих друзей, то всё что угодно может случиться.

— А мы будем всё время рядом, — подхватил Петя, — и вовремя остановим. Ведь если нас не будет, то сегодня золотые монеты, завтра...

Петя не успел договорить, что может случиться завтра. Гоша неожиданно вскочил и заорал:

— Сами вы эти самые! Обрадовались — жулика нашли!

А больше так ничего не видите! Вы бы лучше узнали, с кем ваш Яшка дела водит. Или на какие денешки Петин отец по курортам ездит. Об этом все говорят!

Петю враз подкинуло с балки. Он стоял с открытым ртом и судорожно глотал воздух. Даже Денис и тот растерялся.

— Хулиганы! — вопил Гоша. — Бандиты! Ненавижу!

Он отступал, прикрывая лицо тыльной стороной ладони. Потом повернулся и бросился бежать.

— Вот это да! — проговорил Денис. — Значит, с ним нельзя так. А ты тоже — «золотые монеты»! Из-за тебя человек сам с подножки спрыгнул.

Петя потёр кулак и сказал: — Жаль, я ему по скуле не съездил. Мы с батей уже три

года в деревне у деда отдыхаем. Хорошо бы по зубам Пирамиде, а?

— Тебе бы по зубам только! — проворчал Денис. — Воспитывать человека надо, а не по зубам.

В ответ на это Петя лишь свистнул и сквозь зубы плюнул в котлован. От плевка по чёрной воде побежали круги, и звёзды мягко закачались на волнах, растягиваясь, изгибаясь и дрожа.

СВИДАНИЕ ПОД ДУБОМ

Со старого дуба падали жёлуди. По цвету они напоминали полированную ореховую мебель, которую недавно купила Гошина мама. На макушках у желудей были надежды шапочки с хвостиками. Оля наверняка скажет, что эти шапочки для того, чтобы зимой

бедные жёлуди не мёрзли. Или придумает ещё что-нибудь.

Разыскав в траве самый крупный жёлудь, Гоша решил сам сказать Оле про шапочки и мороз. Он знал, что ей это понравится.

В кармане у Гоши лежала записка. Он обнаружил её после перемены под учебником истории. На вчетверо сложенной половинке тетрадного листа было выведено: «Приходи сразу после уроков к дубу. Твой друг». Сердце у Гоши радостно стукнуло. Он обернулся к Олиной парте, и Оля поспешно опустила глаза. «Что это у тебя?» — заглянул к нему через руку Денис. Но Гоша сразу прикрыл записку...

В затылок ласково стукнул жёлудь. Гоша посмотрел вверх и тут же услышал, как зашуршали кусты. Гоше стало жарко. Не решаясь оглянуться, он проговорил:

— Какие жёлуди красивые. И на макушках у них как всё равно лыжные шапочки.

— И ещё с кисточками, — подсказали сзади. — Приветик горячий моему закадычному другу. Думал, не придёшь.

Гоша обмер. Подлый врун Яшка Лещ невозмутимо стоял на полянке и с интересом разглядывал его своим зелёным глазом.

— Видал, какую твои дружки кашу-то заварили, — сказал Яшка. — Надо же! И еще воспитывать лезут. Ты им правильно сказал, кто они такие. А твоя Оля вообще кисея с простоквашей.

— Что? — пробормотал Гоша.

— Проехали, — ответил Яшка. — На второе будут арбузы без семечек. Любишь арбузы?

— Люблю, — шепнул Гоша.

— Скажи ты, — усмехнулся Яшка и широким жестом вытер рукавом нос. На рукаве от локтя до обшлага осталась белая дорожка.

— Тяжело было? — поинтересовался он.

— Что? — пролепетал Гоша.

— Интеллигенция, — сморщил нос Яшка. — Всё объясни ему. Я вон на прошлой неделе паровоз слямзил, и то ничего. Только пока до дому ташил, труба у него отвалилась, а машинист из будки вывалился и шею себе сломал.

В животе у Гоши включился холодильник. Глаза у Яшки горели, как зелёные светофоры.

— Собираюсь ещё пожарную каланчу увести, — похвастал он. — Могу взять в дело. У тебя получится. Пойдёшь?

Гоша смотрел на полянку и понимал, что от этого живоглота с ноздрями ему не удрать. Холодильник в животе гудел и дёргался. От него внутри всё застыло и покрылось инеем. А ноги стали мягкими, как промокашки.

— Ну? — спросил Яшка.

— Чего «ну»? — прошептал Гоша и часто заморгал ресницами.

— Дразнишься? — спокойно поинтересовался Яшка.

— Нет, что ты! — заторопился Гоша, боясь, что вот-вот

разревется. Удирать было бесполезно: он не добежал бы на своих ногах-промокашках и до ближайшего куста.

— Рояль с арбузами, — сказал Яшка. — С ним как с порядочным, а он дразнится. Значит, сейчас уродовать буду.

— Как уродовать?

— Обыкновенно. Ноги выдерну, спички вставлю и скажу, что так было. Могу ещё голову отвернуть. Она тебе ни к чему, всё одно не работает.

Яшка спокойно закатывал рукав пиджака на левой руке.

— Я-а-а-ш! — тоскливо взвыл Гоша. — Не нужно, пожалуйста. Я не буду больше.

— Осознал? — спросил Яшка.

— Конечно.

— Что?

— Что дразниться нельзя.

— Так и есть, не работает, — вздохнул Яшка и правой рукой за отвороты пиджака притянул к себе Гошу. — Начисто не работает, рояль с арбузами.

Ноги у Гоши подогнулись.

— Я маме скажу! — заныл он. — Вот узнаешь.

— Стой! — приказал Яшка и левой влепил Гоше звонкую пощёчину. — Шлёп! Это тебе, перво-наперво, новогодний привет от Пети, которому очень понравилась пустая корбочка.

Левая у Яшки была жёсткая и горячая, как утюг. Гоша выронил портфель и стал садиться.

— Стой! — потряхнул его Яшка.

На этот раз он влепил Гоше по другой щеке:

— Шлёп! Это тебе за Анну Каренину. Шлёп! А это за хулиганов и бандитов, которых ты ненавидишь.

Голова у Гоши болталась из стороны в сторону, он негромко выли и из глаз у него обильно катились слёзы. Яшка со смаком бил по мокрым щекам и приговаривал:

— Мне терять нечего. Я уже четыре раза в тюрьме сидел. Жалуйся иди. За такого типа посидеть в тюрьме одно удовольствие. В тюрьме три раза в день кофе со сгущённым молоком дают. Я буду кофе пить, а ты в инвалидной коляске кататься. Кому лучше?

Гоша чувствовал, что его голова сейчас отскочит и, как арбуз, покатится по поляне. А Яшка всё бил и приговаривал.

И вдруг кто-то схватил Яшку за руку:

— Наших бить?!

Это был Денис.

— Какой он ваш? — удивился Яшка. — Он...

Но Денис дёрнул его за руку:

— А ну!

— Ты! — вырвался Яшка. — Не лапай.

— Чего?

— Ничего. Слопаешь сейчас.

Быть может, всё так и закончилось бы небольшой словесной перепалкой, но с Яшки не успел схлынуть боевой задор, и он боднул Дениса головой в живот. Денис крикнул и заехал Яшке в ухо. Они обня-

лись и молча покатались по поляне. Каждый стремился оказаться сверху и утрамбовать траву и листья спиной врага. У Дениса это получалось лучше. Он садился Яшке на грудь, прижимал его раскинутые руки к земле и спрашивал:

— Будешь ещё?

Яшка сопел, собирал остаток сил и вывёртывался из-под Дениса. Они снова катались, а потом Денис задавал тот же вопрос:

— Будешь?

Когда силы у Яшки кончились, он последний раз дёрнулся, сказал «рояль с арбузами» и затих.

— То-то, — подвёл итог Денис и пересел с Яшки на траву.

Яшка отдыхал лёжа. Он устроился, как на пляже, раскинул руки и смотрел в небо. Денис дышал тяжело и часто. У его ног валялся какой-то помятый конверт. По конверту бежал муравей. Адреса на конверте не было.

— Вот погоди, — всхлипнул в стороне Гоша, — тебя ещё в милицию заберут за хулиганство.

Яшка понял, что это относится к нему.

— Моя милиция меня бережёт, — раздувая ноздри, ответил он.

— Погоди, — повторил Го-

ша. — У Дениса отец в милиции работает. Будет тебе.

— В милиции? — с удивлением приподнялся Яшка.

Денис вынул из конверта записку. Он успел прочитать только первые слова, выведенные кривыми чернильными буквами: «Завтра П 1000...»

— Ты! — крикнул Яшка, вырывая у Дениса листок. — Не лапай!

— Это твоё?

— Нет, Пушкина. А ещё милицейский сыночек.

— Что? — привстал Денис.

— Проехали, — сказал Яшка, пряча письмо во внутренний карман пиджака.

— Ещё хочешь?

— Спасибо, — поклонился Яшка, — с мильтонами дел не имею. Страсть как этот народ не люблю. Пять раз сидел, с меня хватит.

Он скрылся за деревьями достаточно поспешно, чтобы последнее слово осталось за ним, но всё же не так быстро, чтобы можно было подумать, будто он удирает.

Денис взглянул на Гошу:

— За что он тебя?

— Передразнил я его, — шмыгнул носом Гоша.

— Ладно, — сказал Денис, — не распускай нюни. Мы тебя всегда защитим.

Пригнувшись, он побежал через поляну и скрылся за деревьями, где только что мелькнул Яшка.

(Продолжение следует)

БЕЛЫЕ ГРИБЫ

РАССКАЗ

Ночью Диме снился белый гриб. Гриб стоял под сосной, а когда Дима нагнулся за ним, гриб сразу прятался под землю и ворчал голосом старшего брата:

— Сам о себе не позаботишься — кто ж о тебе позаботится?

И Дима всё нагнулся, кланялся, а гриб то выглядывал, то скрывался и всё ворчал, и так продолжалось бы долго, если бы Диму не разбудила мать.

На столе еда была разложена в том порядке, в каком её полагалось съесть. Мать укла-

дывала бутерброды в Димину корзину.

— Ты, главное, не со всеми топчись, в сторонке, один, — появился старший брат, — сам о себе не позаботишься, — гордо добавил он, — кто ж о тебе позаботится?

На вокзале Диму сразу увидели, закричали, почти весь класс стоял уже вокруг Ильи Петровича. А Илья Петрович с большой корзиной на спине и с толстым посохом в руках возвышался в центре вокзала.

В электричке ребята пели песни про геологов и про разных бродяг, и им* подпевали пассажиры.

Начался лес. Поезд мчался среди старых, тяжёлых елей; под елями росли грибы, и эти грибы было видно из окна.

Наконец доехали до нужной станции. Прямо от станции начинались грибные места.

Илья Петрович шёл первым.

— Слева шоссе, — объяснял он, — справа и спереди — река, сзади — рельсы, если захочешь — не заблудишься.

— Сыроежки! Я сыроежки нашёл! — кричал вдруг кто-то.

— А я лисички. Налетай кто хочет, их тут куча!

Дима шёл со всеми, помогал срезать сыроежки и лисички, нашёл один подберёзовик, но всё это были простые грибы, не белые.

«Дойдём до той вон сосны и отстану», — подумал Дима.

— О-го-го-го! — кричал Илья Петрович.

— А-га-га-га! — откликнулись ребята.

— Ау! — крикнул Дима и отстал.

— Кому маслята, — шумели впереди, — налетай!

«Нет уж, это вы сами налетайте на маслята, а мне белые», — хихикнул Дима.

И он стал ходить по пригоркам, как учил старший брат, разглядывая, ощупывая каждый бугорок.

— У-ю-ю-у! — кричали ребята.

Дима откликнулся, но не подходил.

Путь пересекала траншея. Заросшая кустами, с песчаными обрывами. Дима хотел перепрыгнуть, но увидел каску.

И только он подошёл к этой ржавой каске, как нашёл первый белый гриб. А рядом — другой, а сзади — третий, потом четвёртый, пятый, шестой. Они и не белые были совсем, только название у них такое, а коричневые, с прилипшими сухими иглами, с крепкими ножками.

— Дима! Ау! — кричали ребята.

— Я здесь, я здесь! — зашептал Дима. — Сейчас приду.

Он ползал на четвереньках, дрожащими руками срезал белые грибы и думал: хоть бы не пришли, хоть бы самому всё успеть.

Корзинка наполнялась быстро. А белые ещё стояли и справа и слева.

Дима высыпал грибы на мох и выкинул все сыроежки, лисички и один подберёзовик. Ещё лежал завтрак. Тоже выкинул. Теперь место освободилось.

«В поезде позавидуют, — подумал Дима, — я и накрывать их не буду ветками, — пусть все смотрят».

— Общий сбор! — услышал он вдруг голос Ильи Петровича, — вынимаем завтраки.

А Дима уже ушёл от траншеи. С полной корзиной белых. Он даже забыл, в какой стороне, траншея.

«Мне завтрак ни к чему, — решил он, — я один постою, ещё заставят грибами делиться».

— Дима! Дима! — кричали ребята. — Что он такой сегодня?

Дима ходил в сторонке и всё боялся, как бы не увидели его полную корзину.

— Дима, иди к нам! Где твой завтрак? — крикнул Илья Петрович.

Дима спрятал корзинку под густую низкую ель и подошёл.

Ребята дали ему еды. Один дал хлеб с яичницей, другой — булку с сыром. И ещё дали помидоры.

— А грибы, где грибы твои? — спросили его.

— Там, — махнул он на лес, глотая яичницу.

После еды снова пошли по лесу. Дима грибы больше не искал: сидел у корзинки и прятался от ребят.

К станции возвращались усталые. До прихода поезда было ещё полчаса, и все расселись на траве около платформы. Каждая корзина была полна разных грибов. Там были и горькушки, и рыжики, и подосиновики, и только у Димы были отборные белые.

— У Димки-то, — наконец заметил кто-то, — у Димки-то одни белые.

Все сбежались к Диминой корзине, стали разглядывать, щупать, а Дима боялся, как бы не поломали ему грибы, и говорил:

— Тише, да тише вы, ну хватит!

Илья Петрович подошёл тоже, взял один белый, подержал на ладони, пощупал бахромку, понюхал и сказал:

— Ложный гриб, поганка.

— Какая ж поганка? Белый это! — закричал Дима.

— Поганка. Ложный белый, горький ядовитый гриб.

— Один — это ничего, — сказал Дима, — зато другие-то во какие у меня.

Илья Петрович взял другой, третий.

— Все вместе росли? — спросил он.

— Вместе. Все на одной траншее.

— Выбрасывай. Кто собирал вместе с Димой, ребята? Тоже выбрасывайте.

С Димой никто не собирал, и никто не стал выбрасывать.

— А сыроежки-то у тебя где? Лисички?

— Там, у траншей. Это я чтоб белые влезли...

За поворотом прогудела электричка.

— Не толкаться. Сидячих мест нет — будем стоять, — командовал Илья Петрович.

Сидячие места были. Все сидели, кто где хотел, и снова начали петь.

Один Дима не пел. Он сидел грустный. Смотрел на грибы, которые росли под елями и мимо которых ехал сейчас поезд. Корзинку он закинул куда-то под лавку. Корзинка была пустая, и Дима о ней не беспокоился.

«Радуются. Набрали себе грибов, веселитесь теперь, — глядел он на ребят. — А мне грибы ни к чему, мне воздух главное. Я и ездил — подышать».

В вагон сходились грибники со всех станций, теперь вагон был уже полный, даже на площадках стояли.

И когда поезд прибыл в го-

род, началась давка, потому что все хотели быстрее выйти. Диму толкали, а он искал свою корзинку и не мог найти. Стояла вроде бы его, но, видимо, чужая, потому что полная всяких грибов. А пустой нигде не было — во всём вагоне.

«Да моя же это корзинка, — удивился Дима, — вот же на ручке написано: «Дима П.»».

— Дима! — закричали с платформы. — Что ты застрял?

И он выбежал из пустого вагона.

Ребята шли уже впереди, все вместе, а в середине шёл Илья Петрович с корзиной за спиной и с толстым посохом в руках.

Н. Пилюцкий

Пернатые попутчики

В детстве я жил в деревне под Ленинградом. Меня, помню, очень интересовало — куда исчезают птицы на зиму? Летом вон их сколько в саду и в окрестных лесах! А наступит зима — по дороге одни воробьи прыгают.

— В жаркие страны зимовать улетают, — говорила мне бабка и показывала рукой куда-то за околицу.

Подросток, пошёл в школу, там узнал: в самом деле, улетают на юг. Подумать только: наша деревенская ласточка зимует в Южной Африке!

Стал моряком — побывал я и в Африке и в других жарких странах, где живут в ожидании весны пернатые обитатели наших лесов, озёр, болот.

А вот что толкает птиц совершать далёкие путешествия? Как находят они дорогу к местам зимовки, лежащим за тысячи километров от их родины?

Этого я не знаю. Да, говорят, и учёные на эти вопросы ещё до сих пор не могут дать точного и ясного ответа.

...Наступает весна, и птицы спешат в обратный путь, к своим гне-

здовьям. Теплеет воздух, начинается таять снег, появились проталины, — можно добывать пищу. И вот одними из первых прилетают грачи, скворцы, жаворонки, зяблики...

Вскрылись реки и озёра — и сейчас же летят утки, гуси, цапли, кулики.

Как только в траве и среди листьев появились насекомые — тут как тут пеночки, мухоловки, кукушки, славки. Позже всех прилетают стрижи, хотя они тоже питаются насекомыми, но только теми, которые носятся в воздухе.

Вы видели, стрижи то высоко летают в небе, то, со свистом рассекая воздух, проносятся рядом с вами у самой земли. Это они ловят мошек.

...Труден и опасен порой бывает дальний путь для перелётных птиц. Особенно для тех, которые пересекают моря и океаны. Мне не раз приходилось видеть, как птицы, застигнутые бурей, искали спасения на судах.

Однажды наш теплоход шёл Индийским океаном. Шторм разыгрался не на шутку. Ветер гудел в вантах, огромные волны обрушивались на судно. Как-то ночью я увидел на судне с десятков ласточек. Как они попали сюда? Возможно, отбившись от стаи, прилетели на огни корабля, а может быть, утомлённые борьбой со встречным ветром, опустились отдохнуть на наш плавучий островок.

Ласточки были так утомлены, что позволяли брать себя в руки и сразу же засыпали, часто вздрагивая. Я перенёс птичек к себе в каюту, обогрел их под настольной лампой. Около недели провели щебетуны на судне. Много хлопот, правда, доставила кормёжка пернатых попутчиков. Посыпал ласточкам крупы — не клюют, размочил булку в воде — тот же результат. Потом хлопнул себя по лбу: не куры же они, их надо насекомыми кормить.

— Ну, братцы, — сказал я матросам, — от вас зависит, будут жить ласточки или нет. Ловите мух и тащите ко мне в каюту!

И началась великая охота на мух. «Хлоп! Хлоп! Хлоп!» — то и дело слышалось по всему теплоходу. Через полчаса на моем столе лежала целая коллекция мух — от самой маленькой, еле заметной мушки с золотистыми крылышками до громадной синей мухи.

Кормил я ласточек вдвоём с камбузником. Костя брал пичугу в руки, осторожно раздвигал клювик, а я клал в рот муху; ласточке оставалось только проглотить её.

Через два дня на судне не осталось ни одной мухи, чем очень был доволен наш доктор — рьяный поборник чистоты. А ласточки за эти два дня окрепли настолько, что стали вылетать из каюты наружу и снова вьются вокруг мачт, колонок и такелаж, вылавливая мошкар.

На ночь, однако, они возвращались домой, в каюту, я оставлял иллюминатор открытым. Несколько ласточек устраивалось спать на портьере, закрывавшей мою койку, а одна облюбовала себе место для ночлега на... звонке будильника. Может быть, ей лучше спалось под неумолчное тиканье часов?

Через несколько дней на пути теплохода встретился остров. Завидев землю, ласточки радостно защебетали и, покружившись над судном, как бы благодаря моряков за кров и пищу, улетели.

В другой раз весной мы возвращались с Кубы на Балтику. Почти непрерывно нас сопровождали грозовые ливни и сильные ветры. В районе Багамских островов судно догнала стая ржанок. Бурокрылые странники, размером чуть побольше воробья, спасаясь от непогоды, облепили все ванты и релинги, залетали в открытые иллюминаторы. Мы крошили пернатым гостям хлеба, крупы насыпали, поставили им блюдечки с водой.

— Подкрепляйтесь, милые, — приговаривал кок, рассыпая пшено на трюме, — путь-то вам предстоит немалый.

Да, ржанкам надо было проделать ещё несколько тысяч километров, прежде чем они доберутся до своих родных гнёзд: обитают эти крохотные птички в северной Канаде, а зимуют в Бразилии и Аргентине.

Откройте-ка географическую карту и найдите на ней Канаду и Аргентину. Нашли? Видите, какой большой путь два раза в год совершают ржанки, причём более трёх тысяч километров им приходится безостановочно лететь над Атлантическим океаном. Никакие другие птицы не летят столько без посадки.

У нас на Камчатке золотистые ржанки вьют свои гнёзда, а зимовать улетают на Гавайские острова. Разворачивайте-ка снова карту. Отыскали Камчатку и Гавайские острова? Соедините их прямой линией. Вот по этому маршруту и летят золотистые ржанки. Три тысячи километров над Тихим океа-

ном — почти двое суток непрерывно-го полета!

Но самое удивительное вот что: как ржанки находят дорогу к зимовью и обратно? Летят эти пичуги над самыми волнами, на высоте нескольких метров, и держат курс точно на родину. Вокруг безбрежный океан, не видно никаких ориентиров, никаких заметных точек на поверхности воды, для того чтобы определить направление полёта.

На современных судах — больших и малых — установлено множество различных навигационных приборов: радары, радиопеленгаторы, гирокомпасы, которые помогают капитану вести судно.

А какие «приборы» размещены в маленькой головке перелётной птички? Как учитывает она снос в сторону от сильного ветра? Уму непостижимо!

...На другой день, как только утих шторм и прекратился дождь, наши ржанки дружно поднялись в воздух, легли на левое крыло, выпрямились и взяли курс точно на север. Надёжный рулевой — инстинкт — направил птиц к берегам далёкой родины.

Теплоход наш продолжал свой путь. Не прошло и суток, как снова потемнело небо, разразился небывалый ливень. Тяжёлые волны с грохотом разбивались о стальную обшивку.

Утром, обходя судно, я заметил под трапом какой-то белый ком. Нагнулся и увидел большого аиста. Великолепный белый аист на стройных красных ногах, засунув клюв под крыло, спокойно дремал, покачиваясь в такт размахам судна.

Я уже хотел позвать вахтенного штурмана, чтобы показать находку, как аист встрепенулся, выбрался из-под трапа, разбежался по палубе, взмыл в воздух и уселся на верхушке мачты. Что испугало птицу? Я оглянулся. Ага! Судовой пёс Кутька, распластавшись по палубе, подкрадывался к аисту, но чуткая птица не дала себя застать врасплох и теперь с любопытством поглядывала с высоты. А Кутька, видя, что разбойничье нападение не удалось,

вскочил на трюм и заливисто залаял.

Аист долго сидел на верхушке мачты, а Кутька караулил его внизу. Но голод — не тётка. Когда ветерок разнёс по судну ароматный запах жаркого, пёс не выдержал и помчался к камбузу. Однако он и не думал снимать блокаду. Схватив кость, Кутька опрометью бросился назад и снова улёгся на трюме. Грызая кость, он одним глазом внимательно следил за аистом.

Тут уж не выдержал кок.

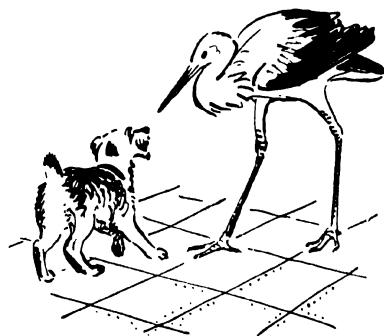
— Ах ты разбойник этакий! — заругался он. — Что тебе птица плохого сделала? А ну, марш отсюда!

Но Кутька продолжал преспокойно грызть кость, — он привык к ворчанию кока и знал, что добрейший толстяк его не обидит. На этот раз пёс ошибся: кок схватил его за загривок и отнёс в пустую кладовку:

— Посиди тут, раз не можешь жить в мире и дружбе!

Вскоре аист, не видя своего врага, слетел на палубу, — видно, здорово проголодался. Мы накормили и напоили его. Лягушек, ужей, ящериц, конечно, на судне не было, но аист с удовольствием ел белый и чёрный хлеб, кусочки мяса и даже макароны.

Чтобы Кутька не напал на Мушкетёра (так мы прозвали аиста за его длинный, словно шпага, нос), решено было привязать собаку. Но Кутька недаром был корабельным псом. Через пять минут он перегрыз все наши морские узлы и разгуливал на свободе. Первая же ата-

ка на Мушкетёра закончилась полным поражением пса. Аист не стал спасаться на мачте, когда Кутька бросился в атаку, а сделал стремительный выпад и своим красным клювом так долбанул Кутьку по лбу, что тот, поджав хвост и пронзительно визжа, бросился наутёк.

— Молодец Мушкетёр! — сказали моряки. — Так и надо забияке!

С тех пор аист свободно разгуливал по всему судну, а Кутька, если ему надо было зачем-нибудь пройти с бака на корму, долго высматривал Мушкетёра, а затем пугливо мчался по противоположному борту.

Аист был очень забавен. Днём он вышагивал на своих длинных ногах по палубе, изредка постукивая клювом, как бы проверяя её прочность, а вечером сидел на планшире у третьего трюма, где собиралась команда, и, казалось, внимательно слушал матросские байки. На ночь Мушкетёр устраивался у дымовой трубы, — там было потеплее.

Три раза в день аист подходил к камбузу и, стуча клювом о палубу, требовал пищи. Он хорошо запомнил кока и, когда тот появлялся на палубе, всегда бежал ему навстречу.

Мушкетёр привязался к морякам и, судя по всему, не собирался покидать судно. Когда мы приблизились к английским берегам, аист, правда, поднялся в воздух и пролетел довольно далеко в сторону земли, но затем вернулся на теплоход. Гнездо его, конечно, было где-нибудь в Америке, у берегов которой аист, застигнутый бурей, опустился на судно. Но раз уж мы его довели от Америки до Европы через всю Атлантику, нам хотелось, чтобы Мушкетёр поселился где-нибудь под Ленинградом...

К сожалению, нам пришлось расстаться с забавным попутчиком. При выходе из Кильского канала мы приветствовали гудком встречное судно. Аист в это время сидел у трубы, возле самого свистка. Он очень испугался резкого звука, сорвался с места и, взмахивая огромными крыльями, взлетел над теплоходом.

— Вернётся или нет? — спрашивал боцман.

— Кто знает...

Подошли другие моряки, свободные от вахты, и задрали головы, гадая — вернется аист на судно или нет? Если нет, то куда полетит?

Справа по ходу судна виднелась западногерманская земля. С палубы хорошо было видно, как по приморскому шоссе, грохоча, мчались танки, а в воздухе со свистом и рёвом проносились реактивные истребители.

Слева, за туманной дымкой, угадывалась Дания. Зеленоватые, в кружеве пены, волны неторопливо катились к датским берегам. В той стороне, в ясном небе, плыли лёгкие, розовые от утренней зари пушистые облака.

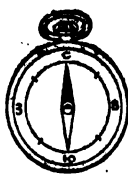
Куда полетит аист? На чьей крыше сойдёт он своё гнездо?

А птица всё выше и выше поднималась в небо... Вот уже с трудом можно было различить её... Но мы всё же увидели: аист, сделав последний круг над нами, полетел в сторону зелёных датских островов — на родину стойкого оловянного солдатика, и маленькой плясуньи — прелестной Дюймовочки, и гадкого утёнка...

Аист — птица мирная, он знает, где поселиться!

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

Прообразами Атоса, Портоса и Арамиса — литературных героев трилогии Александра Дюма «Три мушкетёра», «Десять лет спустя» и «Двадцать лет спустя» — послужили подлинные люди.

Атос (подлинное его имя Арман де Селлек д'Атос д'Отевиль) происходил из получившей дворянство купеческой семьи. Он был королевским мушкетёром и во времена Людовика XIII принимал участие во всех войнах, которые вёл король и кардинал Ришелье. Умер в Париже в 1643 году.

Портос (Исаак де Порте) родился в 1617 году. Отец его был королевским нотариусом.

АТОС, ПОРТОС, АРАМИС

Служил де Порте в роте мушкетёров че-

рез год после смерти Атоса, и, следовательно, они не могли быть знакомы.

Арамис — по происхождению гасконец, сын офицера, на самом деле звался д'Арамис. Он также служил в роте мушкетёров и скончался в 1650 году.

Д'Артаньян в действительности звался Шарль де Бас д'Артаньян, родился в начале XVII века в Гасконии. Добившись почестей и наград, он женился, но в течение шести лет лишь два раза навещал жену, которая ушла в монастырь. В апреле 1673 года в бою с голландцами д'Артаньян погиб, о чём сообщили тогдашние газеты.

КАК ОБРАЗУЕТСЯ НЕФТЬ

Нефть была известна человечеству за многие тысячелетия до нашей эры. Признаки нефтедобычи были обнаружены при раскопках древнего Вавилона. Однако откуда нефть берётся в недрах земли, оставалось неясным.

Ещё в 1763 году Ломоносов впервые высказал предположение о происхождении нефти из растительных остатков, подвергшихся обугливанию и давлению в земных недрах. Через

сто лет великий химик Менделеев поддержал эту гипотезу. И лишь в самое последнее время установлены новые факты, подтверждающие теорию неорганического происхождения нефти.

Недра земли, говорят учёные, можно представить как своеобразный химический «завод». На этом заводе простые соединения — природные газы, протекая по своеобразным химическим реакторам — трещинам и рас-

селинам в толще земли, под влиянием катализаторов — некоторых горных пород — образуют сложные соединения, которые после дальнейшей «обработки» давлением и фильтрацией превращаются в нефть.

Не исключено, что в недалеком будущем человек воспроизведёт эти процессы на настоящих заводах и будет получать нефть прямо из газа подобно тому, как это делается уже сейчас с полимерами и многими другими химическими продуктами.

...шёлковая нить длиной в километр весит всего лишь около семи граммов? Такой чудесный материал выпускается на Черкасском заводе искусственного волокна — продукт переработки древесины. Раньше шелка таких высоких сортов ввозились из-за границы.

...в наших арктических водах и на Аляске обнаружена редкая рыба — чёрная щука? На десять месяцев она может замерзать во льду, а потом оживать. В короткое полярное лето арктическая щука появляется в прибрежных водах Чукотки.

...в Арктике найдено около пятисот видов цветковых, сосудистых растений? Это — карлики, но наделённые природой огромной силой. Основа и защита их жизнестойкости — малый рост. Экономно расходуя вещества на свой рост, они тем не менее нормально развиваются. Их семена созревают даже под снегом.

...миланский мясник (Италия) нашёл во внутренностях быка древнюю римскую монету? Как утверждают учёные, она выпущена во втором веке нашей эры.

...человек делает за день около 20 тысяч шагов; за год — до 7 миллионов, а за 70 лет почти 500 миллионов шагов? Это значит, что за свою жизнь человек мог бы 9 раз обойти земной шар по экватору или преодолеть расстояние от Земли до Луны.

...пчелиный яд — прекрасное лекарственное средство? Но чтобы получить его, нужно убить пчелу. Недавно американские учёные создали «электродоилку», позволяющую получать пчелиный яд, не причиняя ни малейшего вреда насекомым. Крошечное облачко закиси азота — и насекомое приходит в состояние наркоза. Слабый электрический удар вызывает сокращение мышц жала и выделение яда.

...существует прокатный стан величиной с... чемоданчик? Он работает на Ленинградском инструментальном заводе. Нажатие кнопки — и шарики-валки втягивают золотистую бронзовую «паутинку»-проволоку, раскатывая её в тончайшую ленту, из которой изготовляют пружины для новейших измерительных приборов.

...бывает нефть и... белая? Залегают «белая нефть» на небольших глубинах и содержит до 80 процентов чистого бензина. По цвету она напоминает керосин. Таким горючим можно заправлять автомашины без предварительной переработки. Добывается «белая нефть» на нефтяных площадках близ Баку.

...обнаружен дом из... костей мамонта? Такая уникальная находка сделана белорусскими археологами на стыке Гомельской и Брянской областей, возле деревни Юдиново. Учёные нашли жилище первобытного человека, возведённое из костей мамонта более 25 тысяч лет назад. Его размер 4,5 на 3,5 метра.

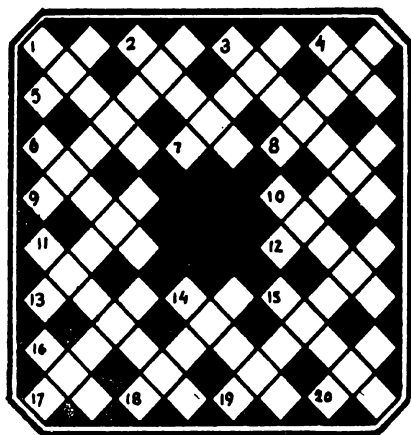
...наши учёные разработали метод определения возраста зубных китов (нашалотов)? Определение возраста производится по слоистости дентина зубов. Учёные собрали интересные данные и о росте китов.

...из чая можно получить... красители? Экстракты чая содержат пигменты, которые служат красителями для конфет и духов.

КРОССВОРД

(Составил Валерий МИТРОШИН,
320-я школа)

Слева направо, сверху вниз: 1. На-
секомое. 2. Металлическая откидная
крышка, закрывающая двигатель
автомобиля. 3. Русская народная
сказка. 4. Партия какой-нибудь иг-

Отдел ведёт В. Аментьев

ры. 6. Трос. 10. Сосуд, бокал.
11. Воинское звание. 14. Головной
убор. 15. Персонаж из произведения
А. Серафимовича «Железный по-
ток». 16. Корабельный повар.

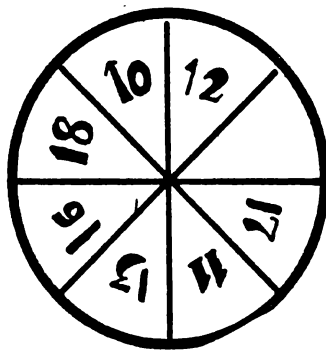
Слева направо, снизу вверх: 5. За-
острённый шест, палка. 7. Соцветие
злаков. 8. Старинная мебель. 9. Вере-
ница судов. 12. Выпуклая сфериче-
ская кровля. 13. Напиток. 17. Зверь
с ценным мехом. 18. Искусственное
русло для воды. 19. Склон холма.
20. Английский мореплаватель.

ВПИШИТЕ ЧИСЛО

(Прислала Оля ПЕТРОВА, 222-я школа)

Числа размещены в секторах фи-
гуры по какой-то системе...

Рассмотрите рисунок, постарайтесь
понять сущность этой системы и впи-
шите в свободный сектор недостаю-
щее число.

РЕБУС

(Составил Витя КОСТРОМИКОВ, 540-я школа)

В этом ребусе зашифрована народная пословица.

ГОЛОВОЛОМКА

(Составил Серёжа ПЛЮЩЕВ)

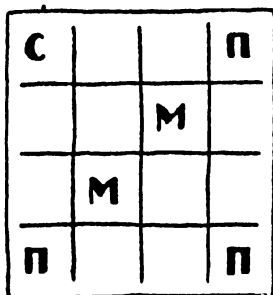

Попробуйте прочесть, что здесь написано...

Может быть, вы знаете также, чьи это слова?

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

(Составил Андрей МАКАШЕВ, г. Гатчина)

Впишите в свободные клетки буквы — так, чтобы по горизонталям читались те же самые слова, что и по вертикалям.

ЗАГАДКА

(Составила Люба ЗАХАРОВА)

С буквой «Я» — я у детей

игрушка,

С буквой «Е» — в игрушки

не гожусь!..

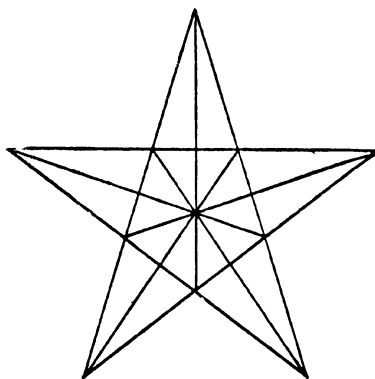
ПО ДВЕ БУКВЫ

Даны 23 слова: весло, литр, ра-
нец, петля, изюбр, виза, нокдаун,
ель, ученик, село, сова, чек, нива, лов-
чий, объём, небо, дорога, дробь, слёт,
месяц, градус, пешка, уха.

Выпишите из каждого слова две
рядом стоящие буквы — так, чтобы
у вас получился афоризм.

ЗВЕЗДОЧКА

(Прислала Наташа РОСТОВЦЕВА,
345-я школа)

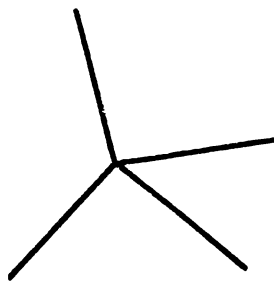

Здесь очень много треугольни-
ков — маленьких, побольше, ещё по-
большее...

Сможете вы подсчитать, сколько
же здесь всего треугольников?

УГЛЫ

(Составила Света ГОЛОВКО, г. Луга)

Как вы думаете, сколько здесь уг-
лов меньше 360 градусов, если их
мерять только в одном направлении
(скажем, по часовой стрелке)?

СОДЕРЖАНИЕ

Солдат своей страны. Стихотворение Леонида Агеева . . .	1
Шёл солдат... Очерк В. Поповой и Г. Петрова . . .	3
Балалайка в три струны. Стихотворение В. Суслова . . .	10
Ветер гонит льды. Рассказ А. Ионина . . .	12
Табуретка. Рассказ А. Зверинцева . . .	23
Если б только люди захотели. Рецепт. Стихи А. Крестинского . . .	27
История с трактором. Очерк В. Марамзина . . .	28
Литературный глобус. Стихи немецких поэтов в переводе Ю. Коренца . . .	34
Дом без чёрного хода. Продолжение повести К. Курбатова . . .	36
Белые грибы. Рассказ В. Воскобойникова . . .	53
Пернатые попутчики. Очерк Н. Пиллюцкого . . .	56
Пёстрые заметки . . .	60
Клуб смекалистых ребят . . .	62

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Орлова
«В день рождения — поздравленья!».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд В. Иванова «Ракетчики» (Воспроизводится из журнала «Смена»).

На 3-й странице обложки фотоэтиюд Г. Сафонова «То ль на суше, то ли на воде...».

На 4-й странице обложки рисунок-загадка художника В. Меньшикова «Из каких они полков?».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка 59, комн. 115
Телефон: А 2-87-55

Сдано в набор 13/XII 1965 г. Подписано к печати 3/II 1966 г. 4 печ. л.
М-11586 Заказ № 1889. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000
Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

*Встретились флот и пехота. Да где!!
То ли на суше, то ль на воде...*

Фотоэтюд Г. Сафонова

Цена 10 коп.

Вот русские солдаты Былых веков. Узнайте-ка, ребята, Каких полков?